

Оливия Лейк

18+

Крылья
бабочки

Друзья/Подруги

Оливия Лейк
Крылья бабочки

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Оливия Лейк

Крылья бабочки / Оливия Лейк — «ЛитРес: Самиздат»,
2020 — (Друзья/Подруги)

ISBN 978-5-532-99226-9

Он и она – два успешных адвоката на пике карьеры. Каждая встреча – настоящая битва. В зале суда – умов, вне его – характеров. Но когда в дело вмешиваются чувства, соперничество выходит на новый уровень. А когда в отношения вступает третий игрок – человек, с чьим мнением и желаниями придется считаться, – неминуем взрыв. Впереди у героев громкие победы и сокрушительные поражения, огромная власть и большие деньги, ложь, интриги и, конечно же, любовь...

ISBN 978-5-532-99226-9

© Оливия Лейк, 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Глава 1. Развод – дело тонкое...	5
Глава 2. Когда упадет юбка?	9
Глава 3. Дама в беде, или снежный плен	15
Глава 4. Как закрываются и открываются гештальты	21
Глава 5. Одна Золушка плохо делится на двух принцев	29
Глава 6. Последний праздничный аккорд	39
Глава 7. Принципиальные девушки чаще ложатся спать в одиночестве	45
Глава 8. Успешные женщины успешны во всем!	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Оливия Лейк

Крылья бабочки

Глава 1. Развод – дело тонкое...

– Ваша честь, разве может отец оставить своего ребенка без средств к существованию? Может мужчина перестать быть отцом только потому, что перестал быть мужем? – Трейси бросила красноречивый, полный негодования взгляд на стол ответчика, затем серьезно посмотрела на судью Маккласки и осталась довольна увиденным. Ни одна жена, мать не останется равнодушной, если дело касается ребенка. – Ответ очевиден, – завершила речь Трейси и уверенной поступью победительницы прошла на свое место.

Это было не просто дело о разводе, это – третья мировая война! Десять месяцев адвокаты пытались прийти к консенсусу во взаимоотношениях семьи Кэмерон, но Аманда и Дастин настолько ненавидели друг друга, что разрушали на корню все успехи юристов. Оспаривание брачного контракта, опека над ребенком, теперь же камнем преткновения стал размер алиментов. Но сегодня Трейси надеялась поставить жирную точку в этом деле, и эта точка должна стать изъясном на белоснежной рубашке Брендона Стеклера – адвоката мистера Кэмерона.

– Ваша честь, – поднялся Брендон, хитро посмотрев на стол истца. «Привести ребенка в зал суда? Отличный ход! – говорил его взгляд. – Но только не сегодня». Он подошел к скамье, на которой вместе с няней сидела пятилетняя Эмми Кэмерон. – Дай пять, – мягко попросил он, и девочка с робкой улыбкой ударила по раскрытой мужской ладони.

«Засранец», – про себя вынесла вердикт Трейси. Он пытался расположить к себе ребенка, вряд ли ему это что-то даст, но и лишним не будет.

– Мисс Полански произнесла прекрасную речь, – тем времени начал Брендон, – и я полностью ее поддерживаю. Разве может отец оставить своего ребенка? – Он особенно выделил слово «своего» и попросил: – Ваша честь, я хочу пригласить в зал суда Дугласа Кэмерона – брата моего клиента.

– Протестую, ваша честь! – воскликнула Трейси. – Мистер Стеклер намеренно затягивает процесс.

– Какое он имеет отношение к делу? – строго спросила судья.

– Уверяю, самое прямое. Позвольте объяснить. – Брендон дождался скупого кивка Маккласки и взглядом указал на дверь адвокату-стажеру, помогавшему в этом деле.

– Мистер Кэмерон, ответьте, в каких отношениях вы состоите с миссис Амандой Кэмерон?

– Она жена моего брата, – он посмотрел в сторону Дастина.

– То есть вы отрицаете, что состояли с ней в любовной связи?

– Протестую, ваша честь! Этот вопрос не имеет отношения к делу и порочит честь и достоинство моей клиентки. – Трейси заметила, как Брендон, опустив голову, спрятал улыбку. – Либо пусть мистер Стеклер опустит прелюдию и немедленно объяснит, к чему ведет, либо я буду вынуждена заявить о нарушении судебного процесса.

– Протест принят. – Судья Маккласки посмотрела на Брендона. – Мистер Стеклер?

– Приношу свои извинения суду, – искренне произнес он. – Мистер Кэмерон, вытяните, пожалуйста, левую руку ладонью вниз.

– Не понимаю, – неуверенно проговорил Дуглас, глядя то на адвоката, то на судью.

– Ваша честь, это действительно важно. Судья поджала губы, но все же велела:

– Вытяните!

– Ваша честь, взгляните на родимое пятно на тыльной стороне ладони мистера Дугласа Кэмерона. – Она бросила короткий взгляд. – Точно такое же, абсолютно идентичное, есть на руке юной мисс Эмми Кэмерон. Откуда оно у нее?

Трейси занервничала, догадываясь, куда клонит Брендон. Она подавила желание посмотреть на Аманду Кэмерон, так же, как и желание врезать ей по кудрявой башке!

– Это называется генетика, мистер Стеклер. Дуглас и Дастин – братья, – вмешалась Трейси.

– Вы правы, мисс Полански, только не в этом случае. Дуглас Кэмерон был усыновлен в младенчестве, и кровной связи между братьями нет. Об этом мало кто знал. – Брендон холодно посмотрел на побледневшую миссис Кэмерон, затем на ее адвоката.

– Протестую, ваша честь, давайте обратимся к юридическим фактам: мистер Дастин Кэмерон – отец...

– Ваша честь, – громко произнес Брендон, – прежде чем принять протест мисс Полански, обратите внимание на моральную сторону вопроса. Каково быть обманутым? Моему клиенту не просто изменяла жена, она лишила его радости стать отцом своего ребенка. Ребенка, который должен был быть его плотью и кровью. Что осталось у мистера Кэмерона после семилетнего брака? – с сочувствием в голосе спросил у зала Брендон. Прекрасный оратор и актер, он со знанием дела манипулировал людьми. – Ничего.

Он устало покачал головой и обратился к судье:

– Ваша честь, почему мой клиент должен содержать бывшую жену – здоровую, дееспособную? – Брендон непонимающе пожал плечами. – Мы могли бы требовать полного отказа от алиментов, но мистер Кэмерон очень привязан к дочери, – он мягко улыбнулся, посмотрев на ребенка, – и было бы странно, если бы это оказалось не так, ведь Дастин растил ее с рождения. И он готов платить семьдесят тысяч долларов в год вместо требуемых истицей двухсот. Этого более чем достаточно, чтобы маленькая мисс Кэмерон ни в чем не нуждалась.

Когда Брендон перестал говорить, и судья перевела взгляд на их стол, Трейси поняла, что проиграла. Аманда Кэмерон больше не вызывала сочувствия. Теперь она стала неверной женой и жадной интриганкой, а то, что мистер Кэмерон и сам изменял супруге, значения больше не имело.

– Мисс Полански, суд постановил: в иске отказать. Без права на обжалование. – Судья Маккласки ударила молотком о кафедру подтверждая свое решение.

Зал пришел в движение. Дастин Кэмерон, не глядя на бывшую жену и брата, кинулся к взволнованной малышке Эмми и, обняв, что-то зашептал на ухо. Аманда сидела с опущенной головой, нервно комкая чистый лист бумаги. Трейси поднялась и начала складывать документы.

Между клиентом и адвокатом должно быть полное доверие! Если где-то солгал, недоговорил, утаил – процесс проигран. И как бы горько ни было сознавать – Трейси винила себя. Значит, она не дождала, недоработала, не доглядела. Возможно, она еще долго бы занималась мысленным самобичеванием, если бы виновник ее теперешнего состояния нахально не вторгся в личное пространство.

– Поужинаем сегодня? – присев на край стола и широко улыбнувшись, предложил Брендон. – Я плачу. – Намек на огромные комиссионные, которые ему заплатит клиент за победу, достиг цели.

Трейси оторвалась от сборов и посмотрела в смеющиеся ореховые глаза. Брендон был красивым, умным и до жути самодовольным. В такие моменты желание съездить чем-нибудь тяжелым по холеной физиономии становилось непреодолимым.

– Боюсь, я занята.

– Завтра?

– Тоже.

- Так когда?
- Никогда.
- Хм... Никогда – это слишком долго.
- //-

Нью-Йорк. Год спустя.

– Да! – сорвала трубку Трейси, перебирая материалы, которые срочно нужно доставить в суд.

– *Мисс Полански, через пятнадцать минут зайдите к мистеру Уиллету.*

– Хорошо, спасибо. – Трейси бросила трубку на аппарат и, аккуратно запечатав желтый бумажный пакет, отложила его в сторону.

Посмотрев на часы, она поднялась и подошла к окну. Наблюдая с высоты шестьдесят восьмого этажа как люди, больше похожие на пронырливых муравьев, спешат по своим делам, Трейси гадала, зачем ее вызывал мистер Уиллет – старший партнер в их фирме.

Без малого два года назад ей позвонили из «Уиллет и Стокбридж» и предложили освободившуюся вакансию адвоката по гражданским делам. Всего-то и нужно было – переехать на восточное побережье! Что Трейси и сделала, не теряя лишнего времени.

Нью-Йорк – город больших возможностей, огромных денег, и если твоя цель: головокружительная карьера юриста, ты обратился по адресу. Тем более что здесь жили ее брат и лучшая подруга – практически семья! Ни разу она не пожалела, что оставила родную Калифорнию, ни разу не усомнилась в правильности своего решения.

За время работы Трейси зарекомендовала себя как перспективный, нацеленный на результат специалист, и будь она проклята, если к тридцати годам не станет партнером в своей фирме! Три года, и ее имя появится на вывеске компании. «Уиллет и Стокбридж» – лучшая адвокатская контора в Нью-Йорке. «Нет, – поправила она себя, – вторая после лучшей».

Пальма первенства по праву принадлежит «Стеклер, Стеклер и Пирс». Именно там работал Брендон. Семейное дело, семейная профессия. Прадед, дед, отец. Правда, его отец – Адам Стеклер – променял мантию служителя закона на ключи от города, но разве можно его в этом обвинить? Он стал полноценным слугой нации, а как называют адвокатов, в особенности, с Манхэттена? Слуги дьявола, увы.

Трейси вздохнула. Трижды она стояла в зале суда напротив Брендона и трижды ее клиентам приходилось соглашаться на его условия. Она не любила слово «проигрывать», предпочитая более мягкое «идти на уступки». Но за последний год в ее практике не было даже этого. Она многому научилась, многое узнала и не уступила ни разу своим оппонентам.

Трейси знала: придет время, и она припрет к стенке Брендона Стеклера, но пока возможности не подворачивалось. Если она сама работала с гражданскими исками и семейным правом, то он специализировался на уголовном. Только если у богатых людей возникали небольшие проблемы и они лично просили его решить их, Брендон брался за дело. Ведь именно так было с несостоявшимся разводом Шэрен и Ника Хейвортов – их общих друзей.

Ирония судьбы. Они безжалостно воевали на юридическом поприще и вполне мирно сосуществовали в повседневной жизни. Даже стали крестными родителями Мэттью Хейворта и, выбирая вместе подарок на его первый день рождения, умудрились не покалечить друг друга.

Трейси не смогла сдержать улыбку, вспоминая, как лохотный красавчик Брендон двумя пальцами держал использованный во всех отношениях подгузник, который, после пяти шотов текилы, между прочим, сам вызвался поменять. Это было мило.

Она бросила взгляд на запястье: часы подсказывали – до встречи три минуты. Пора идти.

– Мистер Уиллет, вы хотели меня видеть? – Трейси прошла вглубь кабинета, когда он рассеяно поманил ее, продолжая кидать корм рыбкам.

Максимилиана Уиллета с легкостью можно было назвать добродушным коротышкой. Ростом всего около пяти с половиной футов, с приятной полнотой и большими залысинами на висках – он совершенно не вызывал опасений, а обходительные манеры только дополняли первое впечатление. Безобидная внешность поначалу могла ввести в заблуждение его противников, но только до того момента, пока они не посмотрят в его глаза, умные и цепкие, а когда Максимилиан начинал говорить – наступала тишина. Сильный выразительный голос, которым он мастерски умел управлять: понижать и повышать, добиваясь нужного эффекта.

– Присаживайся. – Он указал на черное кресло и опустился напротив, пряча в ящик стола баночку с кормом. – Внучка подарила рыбу-бабочку, велела заботиться.

Он мечтательно улыбнулся своим мыслям – так было всегда, когда мистер Уиллет вспоминал своих родных – затем полностью преобразился и серьезно посмотрел на Трейси.

– К нам обратилась Меган Палмер, жена Дональда Палмера.

– Дональд Палмер... – протянула она, пытаясь ухватить за хвост ускользающую мысль. – Политик, старший советник мэра?

– Точно.

– Он разводится с женой? Накануне выборов в конгресс? – усомнилась Трейси. – Странное решение.

– Не нам их судить, – с самым серьезным видом развел руками Максимилиан. Верно, для «Уиллет и Стокбридж» важна лишь сумма гонорара, которую приносят такие клиенты. – Миссис Палмер нужен адвокат, и я порекомендовал тебя. Передай все дела младшим юристам и занимайся только ей.

– Кто представляет интересы мистера Палмера?

Губы старшего партнера растянулись в широкой улыбке.

– Трейси, у тебя будет дополнительный стимул рыть носом землю в этом деле. – Он выдержал положенную паузу. – «Стеклер, Стеклер и Пирс».

Ей не нужно было знать больше, все предельно очевидно. Трейси мгновенно ощутила, как азартно забурила кровь, мигом разгоняясь и стремительно несясь по венам. В этом разводе крови жаждет не только Меган Палмер, но и ее адвокат.

«Ну что же, Брендон, пришло время реванша», – к невидимому собеседнику обратилась Трейси, а вслух произнесла:

– Благодарю за доверие, мистер Уиллет. Я не подведу.

Глава 2. Когда упадет юбка?

Декабрь в этом году выдался сырым и ветреным: небо хмурилось с утра до вечера, но ни о каком снеге и речи не было. Если бы не праздничный режим, на который перешел Нью-Йорк, – а это без преувеличения одно из чудес света, – то Трейси никогда бы не подумала, что Рождество уже скоро. Витрины магазинов превратились в трогательные и милые или остроумные и забавные творческие интерпретации праздничной суеты.

Когда ей звонила подруга и восхищенно рассказывала, как в эту пору чудесен Нью-Йорк, особенно если идет снег, она закатывала глаза: Шэрен всегда была слишком впечатлительной. Но теперь Трейси была полностью согласна с ней. Есть в этом городе только ему свойственное очарование, которое покоряет быстро и не отпускает до последнего вздоха.

Трейси отвернулась от окна и, наскоро перекусив в уютном кафе, где на ланч собирались в основном адвокаты и офисные клерки, поспешила на работу. Она буквально влетела в свой кабинет, скинув черное пальто, быстро дополнила список вопросов (кусочек шоколадного торта все-таки способствует мозговой деятельности), ответы на которые понадобятся в первую очередь. Новая клиентка – миссис Меган Палмер – должна прийти с минуты на минуту. Трейси успела подумать, что надо бы записать все, что необходимо взять с собой на праздничный отдых в Аспен. Остаться без чего-то важного: теплых носков, косметики или, упаси боже, нижнего белья равнялось катастрофе, а на Трейси во время сборов часто находила странная рассеянность. В дверь постучали, возвращая в действительность, и администратор, провожавшая всех важных клиентов, представила посетителя.

Если бы Трейси не знала, что Меган Палмер сорок один год, то решила бы, что перед ней молодая девушка. Невысокая, тоненькая, с ухоженным светлым каре и ясными серыми глазами. Нет, эликсир молодости она, конечно, не пила: морщинки вокруг глаз и рта, платье с высокой горловиной, видневшееся из-под мехового мантио, это только доказывали. К сожалению, шея и грудь всегда выдают возраст. Закон природы: вставь лучшие импланты, сделай тысячу подтяжек, но декольте, как у свежей юной красавицы, все равно не будет. Но в любом случае Меган выглядела прекрасно.

Развод – всегда стресс, даже если ты сам являешься инициатором, поэтому, прежде чем переходить к делу, Трейси всегда обменивалась несколькими ничего не значащими фразами: о прошедшей премьере на Бродвее, о приближающихся праздниках или хотя бы о погоде. Это отвлекало и снимало напряжение, пусть немного, но все же. Всего несколько минут, а рассказывать неприятные подробности семейной жизни становилось легче, а неудобные вопросы, которые Трейси непременно будет задавать, уже не так раздражали.

– Миссис Палмер, в прошении мы укажем причиной расторжения брака непреодолимые разногласия, но я хочу знать точно, что вас толкнуло на этот шаг. – Трейси положила руки на стол ладонями вверх, этот жест на подсознательном уровне вызывал доверие, словно говоря: вот, я вся как на ладони и ничего не замышляю. – Вы должны быть откровенны со мной, от этого будет зависеть исход дела.

– Я просто устала от этого брака, от своего положения и... от мужа. – Меган положила сумочку и пригубила кофе. – Мисс Полански, я не хочу скандала, не хочу портить Дональду карьеру, я просто хочу стать свободной, и максимально быстро, если, конечно, это возможно в нашей ситуации.

– Вы с супругом заключили брачный контракт, но сейчас не согласны с его условиями, почему?

«Потому что они грабительские!» – личное мнение Трейси, но интересно, что ответит деликатная миссис Палмер.

– Мы с Дональдом поженились в Калифорнии, а по закону штата...

– Вы имеете право на все имущество, а не только на нажитое в браке, – закончила за нее Трейси. – Но, миссис Палмер, позже вы подписались под условиями контракта.

– Мисс Полански, несколько лет назад мой муж баллотировался в мэры. Для эффективной предвыборной компании ему нужно было предстать перед избирателями, – Меган задумалась, подбирая слово, – как свой. Поэтому ему требовалось переписать практически все имущество и счета на третье лицо. Дональду было необходимо мое разрешение для этого. После того, как я его дала, мне вручили брачный контракт, якобы защитить мои интересы. До момента пока не встал вопрос о разводе, я и не задумывалась об этом, а теперь выходит, что я не имею права ни на что.

– У вас есть копии договора и документов, которые вы подписывали у нотариуса? Еще мне нужно, чтобы вы помогли со списком имущества: предметы искусства, драгоценности, антиквариат – все, чем владеет ваша семья.

– Конечно, я принесла документы. – Она открыла сумочку, доставая толстый желтый конверт. – А как быть с недвижимостью и банковскими счетами?

– Не волнуйтесь, эту информацию мы запросим в банках и имущественных реестрах. – Трейси сделала паузу, подбирая корректную формулировку для следующего вопроса. – Миссис Палмер, вы в браке уже двадцать лет, извините за бестактность, но почему у вас нет детей?

– Дональд переболел в детстве краснухой, она дала осложнения. У него не может быть детей. – Меган замолчала на несколько секунд, а Трейси даже залюбовалась ею. Во всем облике миссис Палмер было что-то артистичное, возвышенное и по-детски ранимое. – В молодости я занималась балетом, мне прочили большое будущее. Потом я познакомилась с Дональдом. Он был мечтателем и идеалистом, воодушевленно заявлял, что собирается изменить мир! Ему нужна была жена, которая будет помогать и поддерживать, заниматься его карьерой. Поэтому я бросила любимое дело, – она горько усмехнулась. – Все, что я умею, мисс Полански, это быть женой богатого влиятельного мужчины.

Трейси поднялась и налила для нее прохладной воды.

– Спасибо, – поблагодарила Меган и продолжила: – Но пока еще не поздно, я хочу немного пожить для себя. Мисс Полански, я просто хочу справедливости.

– И мы ее добьемся, – пообещала Трейси.

–//-

Трейси неожиданно застряла в пробке на Седьмой Авеню, поэтому в ресторан «Ле Бернандин» влетела уже прилично опаздывая. К ней тут же подошел метрдотель – представительный пожилой мужчина – и жестом велел молодому человеку в униформе принять у гостей верхнюю одежду.

– У вас заказан столик, мэм?

– У меня здесь встреча с мистером Бренденом Стеклером.

– Мистер Стеклер ожидает в баре. Прошу, – он уважительно пропустил ее вперед. – Я провожу вас.

Освещение в зале было приглушенным, но накрахмаленные скатерти так и сияли белизной, а скупой свет, заключенный в хрустальную ловушку, серебристыми вспышками играл на изломах бокалов. Отовсюду слышались разговоры, а официанты, ловко управляясь с подносами, чинно лавировали меж столиков. Трейси взглядом выхватила знакомую высокую фигуру и поспешила за удаляющейся спиной метрдотеля.

Брендон, облокотившись о высокий стул, что-то пил и ковырялся в телефоне. Одет, как всегда, с небрежным шиком: модный костюм, узел галстука распушен, от чистоты бриллиантов в запонках на солнце, наверное, рябило бы в глазах. В дамских романах, которыми в детстве зачитывалась Трейси, таких мужчин называли «денди», но почему-то, читая их, она представляла надушенных и напудренных франтов, манерных и пустых. Но Брендон был хорош,

возможно, с немного резковатыми, хищными чертами лица и пухлыми губами, что обычно не нравилось ей в мужчинах, но, когда улыбался, становился неотразимым. Почти.

– Если ты все-таки метишь в Сенат, то пора бы снять побрякушки, – остановившись рядом, пошутила Трейси, кивнув на крохотный бриллиантик в левом ухе.

– Уверен, моим избирателям понравится. – Брендон поднялся, спрятал телефон в карман, сосредоточив все свое внимание исключительно на Трейси.

– Избирательницам ты хотел сказать?

– Ваш столик будет готов через пару минут. – Брендон поблагодарил метрдотеля и весело произнес:

– Мне кажется, или я слышу нотки ревности?

– Мне кажется, у тебя проблемы со слухом. – Она не смогла сдержаться и негромко рассмеялась. Чтобы ни говорила, как бы порой не злилась на него, все равно очень рада была увидеться.

– Трейси, тебе нужно носить рубашки другого цвета, сначала мне показалось, что ты настолько рада меня видеть, что явилась в одном пиджаке.

– Размечтался, – бросила она, посмотрев в высокие зеркальные панели бара, в которых отражался темный, практически черный затылок Брендона и ее сияющее лицо. Действительно, бежевая блузка практически полностью совпадала с тоном кожи, создавая эффект отсутствия, но кто сказал, что это плохо?

– А что же так категорично?

– А у меня правило: не снимать блузку перед мужчинами, у которых драгоценностей больше, чем у меня.

– Верх снимать не обязательно, – отмахнулся от ее табу Брендон.

– Какая пошлость!

Два года они ходили вокруг да около. Даже флирт они превратили в состязание «кто кого». Оба ждали, кто первый не выдержит и бросится на шею другому. Ожидание затягивалось и, наверное, поэтому их шутки иногда были откровенно за гранью приличий.

– Я не знала, что ты вернулся, – переводя разговор в менее опасное русло, мягко произнесла Трейси.

– Надо было позвонить?

– Может быть.

– Вот как? – обронил он и поставил бокал на стойку.

– Ваш столик. – Мужчина, как по волшебству, возник рядом и знаком попросил следовать за ним. Брендон дождался пока Трейси обойдет его и пошел следом, но не только из соображений галантности. По его авторитетному мнению, задница у нее была на миллион долларов – этого не могли скрыть даже строгие брюки, – и он не хотел упускать случая еще раз в этом убедиться.

Им дали меню и карту вин, обещая подойти через пару минут и принять заказ на аперитив.

– Тебе идет эта прическа, – полностью проигнорировав меню, заметил Брендон.

Трейси машинально дотронулась до темных волос, собранных в пучок. Обычно она их выпрямляла, но, когда на улице было сыро, волосы, несмотря на все ухищрения, завивались и пушились, пришлось собрать, чтобы не ходить как Кудряшка Сью. «Неужели это может нравиться?» – скептически подумала она, но за комплимент поблагодарила.

– Ладно, вроде бы все приличия мы соблюдали. – Трейси сцепила руки в замок. – Какие причины у мистера Палмера увильнуть от законных требований супруги?

Брендон тонко улыбнулся, отмечая, что за три месяца соскучился по Трейси и ее умению без обиняков переходить к сути.

– Их отношения четко регулируются брачным договором, а претензии на иное имущество – плод фантазий.

– Да, договором, который он попросил подписать для своих предвыборных махинаций, – парировала Трейси.

– Клевета, – спокойно произнес Брендон, – недостойная и грязная.

– Это мы еще посмотрим.

– Полански, с таким подходом, это будет твой юбилейный – третий – проигрыш мне. Ах, нет! Этот будет четвертым, – подраивал он.

Трейси редко краснела, во-первых, не имела привычки смущаться, во-вторых, кожа, от природы будто загорелая, к этому не располагала, но сейчас она почувствовала, как запылали щеки. Никто не любит, когда им указывают на промахи, и она в том числе.

– Что будете пить? – Их столик продолжал обслуживать метрдотель. Интересно, у них всегда такой сервис, или дело в том, что Трейси ужинает с сыном мэра?

– Сухой martini, – ответила Трейси. Мужчина кивнул и повернулся к Брендону. – А ему яд, – тихо добавила она.

– Мистер Стеклер, что предпочитаете: мышьяк или цианид?

Трейси изумленно посмотрела на метрдотеля, который с самым серьезным видом подержал шутку.

– Скотч, двойной. – Брендон спокойно посмотрел на Трейси и произнес: – Не советую, сговор с целью убийства: от пяти до пятнадцати.

– Прошу прощения, напитки будут через минуту.

Когда они снова остались вдвоем, за столиком повисло неловкое молчание. Они привыкли перебрасываться остротами, но никто не обещал, что это всегда будет забавно.

– Ты выбрала Мэтти подарок на Рождество? – круто меняя тему и разряжая обстановку, поинтересовался Брендон.

– Да, какую-то хитрую машину, на которой он может ездить по дому.

– Я в доле.

– Ты подаришь торт из подгузников, трехъярусный, украшенный голубыми зайчиками и шелковыми лентами, – расписывала Трейси. Она всегда была отходчивой, а злиться на Брендона, какой бы занозой в заднице он порой ни бывал, долго не получалось.

– Давай на следующей неделе встретимся с четой Палмер у меня в офисе и попробуем прийти к соглашению. Судя по градусу ненависти, их развод может растянуться на многие месяцы.

– Хорошо. Ты, кстати, должен мне триста девяносто пять долларов.

– Сколько? – ошеломленно переспросил Брендон. – Ничего себе бумажные трусы стоят!

– Наш ужин выйдет примерно во столько же, – констатировала Трейси, пробегаась взглядом по основным блюдам.

– Да я и штуку баксов заплатил бы, будь там что-то стоящее, а так... вата и бумага.

– Там еще голубые зайцы и ленты.

– Ну, раз голубые, то ладно.

–//-

В пятницу, в два часа дня, разверзся ад. Адвокат – тот же священник, только без сутаны. Тайны клиента должны оставаться тайнами, а интересы – ближе, чем свои собственные. Но сегодня, казалось, необходимо было что-то посерьезней – изгоняющий дьявола пригодился бы как никогда.

Дональд Палмер, спокойный, уверенный мужчина, чиновник, которого Трейси пару раз видела в местных новостях, брызгал слюной и скрипел от злости зубами. Брендон был абсолютно бесстрастен, Трейси ему не уступала, хотя пару раз пожалела, в очередной раз одергивая

его клиента, что нельзя бить людей. Все-таки Шекспир был прав: «Вся жизнь игра, а люди в ней актеры», а политики – лучшие представители профессии!

– Чего тебе не хватает? – кидался на жену Палмер, хорошо, что только словесно. – Ты думаешь, разведешься со мной и будешь жить припеваючи, вести тот же образ жизни? Нет! – Он выразительно помотал пальцем в воздухе. – Ты ни цента не получишь, чертова дрянь!

– Я бы попросила соблюдать приличия, – вмешалась Трейси. Дональд бросил на нее неприязненный взгляд, будто то, что она представляет его жену, само по себе смертельный грех. Меган, к слову, оставалась образцом благоразумия и спокойствия: на выпады мужа никак не реагировала, что его раздражало еще больше.

– Брендон, я хочу, чтобы ты стер их в порошок, оставил с голым задом. – Он сказал это тихо, явно успокоившись, но жажда войны его не оставила.

Взгляды адвокатов пересеклись, они оба понимали: это будет сложно и ни о каких соглашениях речи быть не может. Брендон поднял трубку телефона, – заседать им придется долго и кофе лишним не будет, попутно отмечая, что оставить Трейси с голым задом было бы, как минимум, интересно. Он был уверен: день, когда упадет юбка, наступит уже скоро.

–//–

Следующие две недели Трейси посвятила исключительно описи собственности четы Палмер. Запросы в банки, анализ финансовых отчетов, пенсионные накопления и инвестиции, страховка – и это только начало. С учетом воинственности, с которой Дональд Палмер отнесся к разводу и разделу имущества, попасть в их дом и сделать снимки ценных вещей будет непросто.

Трейси иногда удивляло незнание людьми элементарных правил и законов, особенно, если эти люди находились на высокой ступени социальной лестницы. Меган Палмер уехала из их с мужем дома и теперь попасть в него могла только с его разрешения и в присутствии адвокатов. Они, конечно, составили список вещей, подлежащих разделу, но это надо бы подтвердить документально и сделать снимки, чтобы они неожиданно не испарились к началу процесса.

Ну, что же, на то она и юрист, чтобы показывать чудеса изобретательности, а в том, что их придется продемонстрировать, сомневаться не приходилось. А ведь это мелочь, первые официальные шаги на пути трудного, затратного и долгого периода. Расторжение брака – процесс утомительный, но раздел имущества – это ад. А когда супруги не желают уступать ни на йоту, не идут на компромисс и стараются всеми средствами затруднить работу адвокатам – ад, в котором непрерывно горит дикое пламя, а в костер постоянно подбрасывают дровишек.

После нового года у них состоится предварительное слушание – бюрократическая машина официально заведет мотор, – поэтому, как бы ни хотелось отдохнуть от работы, придется брать ее с собой в Аспен.

«Шэрен расстроится, – тоскливо размышляла Трейси. – А Брендон будет насмехаться...» Хотя сам, скорее всего, тоже засядет за бумаги, только никогда не признается в этом.

Если бы не переезд лучшей подруги во Францию, она бы вообще не стала отдыхать в праздники. Но это будут своеобразные проводы и пропустить их она не могла. Ник – муж Шэрен – открывает в Париже дочернюю компанию, и его личное присутствие будет необходимо минимум год, и, естественно, жить это время без семьи он не собирался. Трейси вспомнила, как в шутку предложила ему прилетать раз в месяц (самолет есть, так в чем проблема?). Ник юмор не оценил и даже не удостоил ответом, просто посмотрел, как на идиотку.

– Вот так, – вслух произнесла она, – один раз мужику задницу припечешь, и он становится человеком.

Трейси, подогнув ноги под себя, удобно устроилась в кресле с бумагами, делая на полях пометки, а в голове отметила, что надо бы покопаться в частной жизни мистера Палмера. Мало ли?.. Меган она подробно расспросила на этот счет, чтобы больше никаких подвохов, никаких

компроматов и неожиданной кучи грязного белья, которая свалится им на голову прямо в зале суда.

От размышлений о стратегии и тактике ведения боя с Брендоном и его клиентом отвлек стук в дверь. Брата она ждала, поэтому быстро прыгнула с кресла и понеслась открывать

– Китайскую еду заказывали? – спрятав лицо за двумя бумажными пакетами, шутливо спросил Роб.

– Давай, заходи уже. – Трейси взяла пакеты и пошла на кухню. Она снимала квартиру в Вест-Виллидже и по меркам одинокого человека – большую. Огромная светлая гостиная в виде пятиугольника с высокими окнами и открытым балконом, две спальни и внушительных размеров ванная.

Трейси росла в доме с двумя младшими братьями, собакой и котом. Поэтому у нее развилось что-то вроде легкой формы клаустрофобии. Она больше не могла и не хотела жить в тесноте. Когда начала прилично зарабатывать, стала снимать квартиру, места в которой хватит трем таким, как она.

Иногда Трейси задумывалась о собственном жилье, но пока средств на покупку большой квартиры в центре Манхэттена не было, предпочитала аренду, да и поговаривают, мужчины опасаются независимых женщин. Может, поэтому последний бойфренд сбежал от нее в Аризону?

– Это что, свинина? – рассматривая содержимое белой коробочки с надписью «Сиань Фудс», спросила Трейси.

– Тебе я взял рис с морепродуктами, – оправдывался Роб.

Она снисходительно посмотрела на брата. Такой же как Трейси, темноволосый и кареглазый, с двумя ямочками на щеках и заразной улыбкой. И откуда в нем этот извечный протест? В их доме готовили только кошерную еду, никакого бекона, сосисок и прочего, но, как только Роб уехал учиться в Нью-Йорк, все запреты тут же были отброшены. Сама Трейси старалась придерживаться канонов, но других не осуждала, да ее и саму сложно назвать еврейкой с большой буквы – она обожала Рождество. Будучи еще ребенком, с утра приходила к Шэрен и отмечала праздник с ними. Родители закрывали глаза на этот проступок, как она закрывала глаза на некоторые поступки брата. Пока это мелочи, но его инфантильность иногда беспокоила: Роб полгода назад получил степень по бизнесу, но так и не определился с планами на будущее, даже куртку с эмблемой Нью-Йоркского университета не снял, словно взрослая жизнь еще не началась.

– Что с работой?

– Ты же знаешь, я немного подзаработал на бирже, – осторожно начал он. – Мы с Аланом хотим открыть сеть мексиканских закусокных.

– Всего-то?! – иронично воскликнула Трейси.

– Вот ты ничего не знаешь, а уже забраковала, а я, между прочим, уже нашел помещение, договорился об аренде, а Алан нашел людей...

– И когда же успел? – прервала она.

Роб преувеличенно тяжело вздохнул и пожаловался:

– Иногда я спрашиваю себя, когда ты успела стать такой скучной занудой?

Трейси замолчала, осознавая, что он прав. Той девчонки, которая каждый день бегала на свидания, целовалась с парнями в машине, а потом жестко мстила младшим братьям, которые следили за ней и наперегонки бежали докладывать отцу, больше нет. Заботливой старшей сестры, которая за это добавляла в их молоко по столовой ложке соли, а один раз даже слабительное – да, той Трейси уже нет. В адвокатской практике она видела столько, что все легкое, наивное и мечтательное выветрилось из нее, но она от души надеялась, что не до конца.

– Ладно, давай поедим, потом ты мне подробно все расскажешь.

Глава 3. Дама в беде, или снежный плен

– Если бы я знала, что окажусь вместо Аспена здесь, то обязательно бы забронировала машину!

Самолет, которым летела Трейси из Нью-Йорка, из-за ухудшения видимости экстренно сел в Денвере, и теперь она оказалась почти за двести миль от цели.

– Мэм, к сожалению, ничего другого я предложить не могу.

Трейси повернулась к тележке с багажом, венцом которого был трехъярусный торт из подгузников, понимая, что выбора у нее нет. Ждать, когда откроют рейсы до Аспена, желания не было – так можно и до Рождества просидеть в местной гостинице. Рейсовые автобусы она не рассматривала в принципе, оставался только прокат автомобилей, находившийся на территории аэропорта, но все, что он мог предложить, – старенький «Шевроле». Трейси серьезно посмотрела на рыжего веснушчатого паренька, бейдж которого гласил: «администратор Тейт Уайт» и с недоверием уточнила:

– Машина точно довезет меня до Аспена? – Тейт уверенно закивал. Она протянула кредитку.

Выехав на шоссе, Трейси наконец-таки позволила себе немного расслабиться, зачарованно поглядывая по сторонам, любуясь природой Колорадо. Здесь была настоящая зима, снежная и красивая! Крупные хлопья снега неспешно кружились, падая на лобовое стекло и устилая гористую местность плотным белоснежным пологом. Небо казалось тяжелым, набухшим, тучи висели низко, цепляясь за верхушки горных склонов, и сейчас Трейси была только рада этому – в ясную погоду ехать без очков было бы просто невозможно! В холодных солнечных лучах все вокруг искрилось и переливалось бы, не позволяя глазам полностью открыться. Потрясающая, волшебная сказка, но ею она вдоволь налюбуется в горах, а пока главное – добраться до особняка четы Хейвортов к вечеру и желательно без происшествий.

Только с каждой следующей милей погода портилась: поднялся ветер, и очаровательные кружевные снежинки, неспешно ложившиеся на землю, превратились в неслабый снегопад. Зимняя сказка больше не казалась такой безмятежной – видимость ухудшилась в разы. Трейси бросила взгляд на навигатор – ехать осталось прилично, – когда из-за фуры, несущейся по встречной полосе, в снежном шлейфе выскочил автомобиль. Она резко крутанула руль вправо, уходя от столкновения, и ударила по тормозам, воткнувшись бампером в засыпанную снегом обочину.

– Все нормально?... – Трейси первым делом ощупала себя. Она в порядке, машина вроде тоже. Включив передачу, попыталась сдать назад – машина пробуксовала, но с места не сдвинулась. – Черт! – ударив по рулю, выругалась и открыла дверь. Переднее колесо плотно засело в снежной насыпи. «Меня вытащат, – уверенно заключила она. – Тут всего-то немного дернуть нужно».

Минута шла одна за другой, а на дороге, как по чьему-то злому умыслу, ни одного автомобиля. У нее на голове уже образовалась снежная шапка, когда вдалеке показались желтые фары. Трейси активно замахала руками, надеясь, что ее не примут за сумасшедшего снеговика и все же помогут. Стекло огромного черного внедорожника опустилось, и она нервно усмехнулась.

– Нет, так бывает только в фильмах!

– Трейси, что у тебя за снежное гнездо на голове? – Брендон довольно развалился в сухом и комфортном салоне. Она потрянула волосами, сбрасывая хрустящую ледяную крошку.

– Лучше скажи: откуда у тебя это? – Трейси руками обвела габариты машины. – Все, что мне удалось достать, – ржавый «Шевроле»!

– Думать надо наперед, детка.

– Откуда я могла узнать, что аэропорт в Аспене закроют?! Ты что, ясновидящий!

– Я на сто процентов состою из талантов и выдающихся способностей. – Трейси закатила глаза. – Давай, запрыгивай, мне дуется. – Брендон демонстративно поежился.

«Вы посмотрите, какая неженка!» – про себя съязвила она, но вслух сказала:

– Я поищу трос, вытащи меня и можешь уезжать.

– Дама в беде? – вкрадчиво произнес Брендон. – Даму нужно спасти?

– А, – она махнула рукой, – разве это беда. Так ты сможешь? Дуется, знаешь ли, не только тебе. – Ее волосы снова начали покрываться ледяной коркой, мокрый снег налип даже на ресницы.

Брендон вышел из машины, открыл багажник «Шевроле», достал яркий чемодан, затем большую коробку с подарком для Мэтти. Трейси молча наблюдала, как он закинул все к себе, затем галантно открыл ей дверь с пассажирской стороны.

– А машина? – засомневалась она.

– По дороге будет стационарный пункт полиции, там отдадим ключи. Они займутся машиной. Поехали, холодно.

– В салоне тоже есть вещи.

– О, мой торт! – рассматривал нежно-голубое сооружение Брендон, а когда Трейси удобно устроилась на переднем сиденье, положил на приборную панель пятьсот долларов. – Я ведь так и не отдал тебе деньги.

– Это много, тем более что ты платил за наш ужин.

– Может, я тогда пытался ухаживать?!

Трейси фыркнула, не веря, что это вообще возможно, по крайней мере между ними. Брендон рассмеялся и рванул с места, оставляя грязно-белую дымку.

Когда до Аспена оставалось меньше ста миль, Трейси окончательно убедилась в правильности решения оставить машину. Погода вконец испортилась: снег валил, налипая на дворники и полностью закрывая обзор, и если бы не подогрев лобового стекла, который в ее развалюхе отсутствовал, то далеко они бы не уехали, а одна Трейси и подавно.

Обычно она нервничала, если за рулем был кто-то, кроме нее или близких, хорошо знакомых людей, но Брендон уверенно вел автомобиль, и Трейси поймала себя на мысли, что у него чертовски красивые руки: крупные, с ухоженными длинными пальцами и чуть выступавшими венами. Он задумчиво смотрел на дорогу, иногда убирая левую руку с руля и постукивая пальцем по подбородку, словно раздумывая над сложной геометрической задачей.

Трейси подавила желание посмотреть в зеркало: после получасовых плясок под снегом тушь, наверняка, размазалась, волосы закрутились, став короче, а помада стерлась еще в самолете. Она нерешительно коснулась каштанового завитка, назойливо щекотавшего шею, собираясь поправить прическу, желательно незаметно, но потом передумала: просто откинула волосы назад и отвернулась в сторону.

«Какого черта? – возмутилась Трейси. – Это ведь Брендон!» «Вот именно, Брендон...» – ответил внутренний голос. Они столько времени сдерживали взаимное влечение, балансируя на грани дружбы, соперничества и легкого флирта, что перестали обращать на него внимание. Почти перестали. Так почему она сейчас так разнервничалась? Дорога, ночь и привлекательный мужчина... «Все понятно», – констатировала Трейси, твердо решив закрутить роман с кем-нибудь из друзей Ника или того же Брендона, а то, что подходящих кандидатур будет в достатке, сомневаться не приходилось.

Трейси повернулась на звук запищавшего мобильного и, еле дотянувшись до сумочки, пробурчала:

– Огромная машина.

– А что там у вас, у женщин, про это говорят? – делано задумался Брендон.

– Иногда машина – это просто машина! – Трейси видела его в плавках. Ничего общего с теорией «компенсации размеров» там нет. Точнее, как раз-таки есть, но об этом лучше не думать сейчас, чтобы не засмеяться в голос. И почему интимные темы и разговоры ее больше смешат, чем возбуждают?

– А это еще что?

Брендон притормозил, когда патрульный фонариком указал на обочину, делая знак остановиться.

– Что-то случилось, офицер? – поинтересовался он, опустив стекло, позволяя холодному ветру ворваться в тепло салона.

– Сэр, дорога на Гленвуд закрыта, – объявил огромный мужчина, назвавшийся сержантом Хэнсоном. – Упало несколько деревьев и заблокировало проезд.

– И что теперь? – вмешалась Трейси, обеспокоенная таким поворотом.

– Если метель закончится, завтра с утра приедет техника и уберет завал. Не волнуйтесь, мэм, это обычное дело в горах, но вам лучше повернуть обратно в город.

Брендон задумчиво постукивал по рулю, прикидывая варианты, а Трейси наблюдала как крупные хлопья снега быстро кружатся в воздухе и оседают на шляпе и ушах сержанта. Да, ему не позавидуешь этой ночью.

– А поблизости нет гостиницы или мотеля какого-нибудь? – спросила Трейси, не воодушевившись перспективой возвращаться в Денвер, да еще и в метель.

– В полумиле отсюда, у старого Эрла небольшая гостиница, возможно, там удастся переночевать, но... – замялся офицер Хэнсон.

– Я знаю где это, но мы не сможем сейчас туда подъехать, только пешком, – ответил Брендон на невысказанный вопрос Трейси о глупости всяческих «но».

– Точно, – подхватил сержант. – Да и номеров скорее всего нет. Рождество скоро.

– Но это лучше, чем ехать три часа обратно, – заметила Трейси. – Если мест нет, поедem в Денвер.

Пару минут они потратили на пререкания: Брендон считал абсурдом тащиться к старому Эрлу по холоду, да еще и в гору, вдвоем – вероятность, что есть свободные номера практически равнялась нулю. Трейси занимала прямо противоположную позицию и настроена была крайне решительно.

– Нет! – категорично заявила она. – Я с тобой. Мне так спокойней.

Брендон закатил глаза, а офицер хмыкнул в кулак.

– Машину оставьте здесь, мы все равно до утра дежурить будем.

– Спасибо, сержант. – Они выбрались из внедорожника, и колючий ветер тут же ударил в лицо, швыряя пригоршни снега. – Удачного дежурства.

Офицер Хэнсон приложил два пальца к шляпе и, проводив их взглядом, быстро пошел к патрульной машине.

Вечер, снег, прогулка вдвоем – в иной ситуации это показалось бы романтическим. Но если метель ледяными шипами впивается в щеки, острыми осколками забивает глаза, а в носу неприятно хлопает, предвещая возможную простуду, вся романтика сходит на нет. Идти было недалеко, но небольшой подъем, сопровождавший их до гостиницы со звучным названием «У старого Эрла», казался труднопреодолимой горной возвышенностью, которую им не суждено покорить. Поэтому, когда Брендон схватился за ручку и потянул на себя тяжелую входную дверь, втаскивая внутрь продрогшую Трейси, ощущение гордости заставило губы растянуться в вымученной улыбке, словно они забрались на вершину горы.

Маленький уютный вестибюль был хорошо освещен, но пуст. Здесь было тепло и пахло деревом. Брендон ударил по старенькому звонку, и через несколько секунд в проеме за стойкой регистрации появился пожилой мужчина.

– Добрый вечер, чем могу помочь? – вытирая руки о цветастое кухонное полотенце, осведомился он.

– Добрый, – скидывая капюшон и вытирая лицо краем шарфа, поздоровалась Трейси. Мужчина сочувственно осмотрел гостей.

– Вам нужно выпить чего-нибудь горячего. Пойдемте, – махнул он, выходя из-за стойки, – моя жена только сварила апельсиновый глинтвейн.

Пройдя через узкий коридор, они оказались в маленьком, скупо освещенном ресторанчике. Всего несколько столиков и полированная барная стойка; на стенах, обшитых деревом, фотографии горных пейзажей. Внутри сильно пахло хвоей, будто мебель вырезали совсем недавно, и они будут первыми, кто сядет на грубо сколоченные стулья.

По дороге Брендон и Трейси узнали, что мужчина и есть старый Эрл, вернее, Эрл Бролин – хозяин гостиницы. Он хоть и был в возрасте, но выглядел крепким и здоровым, с посебренными на висках волосами и участливым взглядом.

– Боюсь, что... – Эрл сочувственно развел руками. Несколько минут назад миссис Бролин поставила на стол кружки с ароматным глинтвейном, а Брендон объяснил причину их срочной ночевки. Но реальность оказалась слишком суровой, заставляя Трейси сразу сникнуть, представляя сначала спуск к машине, затем поездку в Денвер.

Эрл сделал глоток и, задумчиво почесав затылок, предложил:

– Есть одна комната, правда, не уверен, что она подойдет. Обычно зимой мы ее не сдаем. Она под самой крышей и там прохладней, чем в остальных помещениях. Сами понимаете, дом деревянный, – будто извинялся он, – но и цена соответствующая.

– Берем, – быстро отозвался Брендон, чем вызвал веселый смех хозяина. Действительно, чуть прохладней не идет ни в какое сравнение с тем, что творилось за окном.

– Там одна кровать? – грея руки о кружку, спросила Трейси.

– Да, это вызывает трудности?

– Никаких, – ответил Брендон, за что получил мрачный взгляд от спутницы. Это не укрылось от старого Эрла, который сразу добавил, что там есть диван.

Следующий час прошел за приятной беседой. Трейси, выпив две кружки глинтвейна, почувствовала, что согрелась и расслабилась, а рагу из ягненка, приготовленное миссис Бролин, было отменным. Трейси молча слушала, как старый Эрл с гордостью рассказывал о своем крае, а Брендон с искренней улыбкой соглашался с ним.

– Спасибо, мистер Бролин! – У двери в отведенную им комнату гости распрощались с хозяином и вошли.

– Подожди, – опомнилась Трейси, – а вещи?

– Полански, если ты скажешь, что не сможешь провести ночь без косметики и шмоток, упадешь в моих глазах навсегда. – Брендон включил свет и скинул куртку. Желание тащиться к машине отсутствовало у них обоих, поэтому Трейси не стала настаивать. Действительно, зачем ей ночью одежда?

Номер хоть и считался двухместным, но был прискорбно мал. Деревянные своды, поддерживающие крышу, висели низко, еще немного и Брендону пришлось бы горбиться, чтобы элементарно не разбить себе голову. Короткий коридор с двумя дверями на одной стороне и небольшим шкафом на другой. Средних размеров кровать с белоснежным бельем и пара тумбочек. Единственное, что в комнате было впечатляющим – окна! Широкие, с деревянными подоконниками и замысловатым морозным узором. Наверное, днем из них открывался впечатляющий вид на Скалистые горы. А вот диван оказался узкой софой с двумя куцами подушками.

– Здесь, – Трейси выразительно посмотрела на диван, – спишь ты.

– И как ты себе это представляешь? – Брендон попытался картинно развалиться на нем, но это выглядело настолько комичным – крупному высокому мужчине места катастрофически не хватало, – что Трейси громко рассмеялась.

– Ладно, я здесь лягу.

– И ты не будешь спать на диване.

– Почему?

– Потому что это глупо: места на кровати достаточно для двоих. – Он артистично раскинул руки и с самым невинным видом, хотя эпитет «невинный» последний, которым можно охарактеризовать Брендона, произнес: – Это ведь я, Трейси. Уж мне-то ты можешь доверять.

– Ладно, – нехотя согласилась она. – Тогда я в душ.

Трейси, заглянув в ванную, потом в шкаф, задумчиво замерла возле двери. Халатов не было, а спать в джемпере не слишком удобно.

– Что там еще? – бесцельно переключая каналы, крикнул Брендон.

– Мне не во что переодеться.

Он бросил пульт на кровать и, рывком стянув черный свитер, протянул ей серую футболку, которая была под ним. Трейси с деланной невозмутимостью подошла, стараясь не глядеть на широкую загорелую грудь и, поблагодарив, схватила теплую ткань, хранившую запах хозяина. Она не знала, какой туалетной водой пользовался Брендон, но аромат ей нравился. Острый, насыщенный, провокационный – ему очень подходил, как и тонкая цепочка с маленьким крестиком.

Странно, она ведь видела Брендона на пляже, но никакой неловкости это не вызывало. Возможно, потому что они были в шумной компании, на побережье, а не в маленькой комнатке, вдвоем. Сейчас вся ситуация казалась интимней, а дорожка черных волос, терявшаяся в таких же черных джинсах, непроизвольно приковывала взгляд.

«Это же высокомерный засранец Брендон!» – одернула себя Трейси, но где-то в глубине души задалась вопросом: каково это – быть с ним?

Если халатов в номере не было, то второе одеяло, пусть без белья, присутствовало. Трейси соорудила себе уютное гнездышко, замотавшись в стеганое одеяло, как в кокон, и, чувствуя разом навалившуюся усталость, вполглаза смотрела шоу Джимми Киммела. Брендон громко разговаривал по телефону с Ником, рассказывая реальную, отличную от той, что была рассказана его жене, версию их с Трейси снежного плена.

– Как у тебя уютно! – воскликнул он, кладя мобильник на тумбу и присаживаясь на кровать, в ноги Трейси. – К тебе можно?

– Нельзя, – расслабленно ответила она, удобней устраивая голову на подушке.

Брендон, нащупав маленькую пятку, осторожно пощекотал ее, вызывая удивленную улыбку, затем резко потянул.

– С ума сошел! – встрепенулась Трейси, оказавшись придавленной к кровати.

– Неужели ты думала, что, оказавшись в одной постели, я упущу шанс соблазнить тебя?

– А как же: мне-то ты можешь доверять, это же я, Брендон! – повторила его слова Трейси.

– Никогда не верь обещаниям мужчины, особенно, если вы собираетесь в одну постель.

– Шэрен говорила, что ты будешь с подругой. – Трейси не боялась Брендона, ему не нужно насильно заставлять женщину отдаться ему. Возможно, если бы у него не было девушки, она бы так и сделала. Возможно... Между ними всегда было слишком много «возможно».

– Это удар ниже пояса! – шутливо заявил он.

– Удар ниже пояса будет, если ты немедленно не слезешь с меня.

– А я не замечал, что у тебя глаза в зеленую крапинку, – удивился Брендон, пристально рассматривая ее, – и веснушки!

– Прекрати! – дернулась Трейси, пытаясь спихнуть его. Обсуждать ее внешность, особенно веснушки – ошибка.

– Уверена? – шепнул Брендон, полностью отбрасывая игривость.

– Абсолютно.

Он легко поцеловал ее, чуть оттянув нижнюю губу, и перекатился на свою сторону.

– Прости, больше такого не повторится.

«Сегодня», – про себя добавил Брендон, а Трейси в глубине души, где-то очень глубоко, ощутила укол разочарования.

Сон, как ни странно, пришел быстро. Трейси сильно устала и перенервничала, да и прохлада, о которой предупреждал старый Эрл, убаюкивала. Спала она, зарывшись в одеяло практически с головой и, если бы не затекшая рука, скорее всего не проснулась бы до утра.

Первое, что поразило: ее крепко обнимали мужские руки, именно от этого было так тепло. Второе, обнимавший был возбужден и свидетельство этого упиралось ей в ягодицы. Трейси попыталась отодвинуться, но единственное, чего добилась – его рука сместилась с ее живота на левую грудь.

– Ткнуть бы тебя под коленку! – тихо возмутилась она, а потом затихла, прислушиваясь. Брендон спал. Его горячее, мерное дыхание согревало ее макушку. Значит, никаких активных действий он предпринимать не собирался. Трейси поерзала, удобнее устраиваясь в кольце его рук и чуть сползая, чтобы его член упирался ей в спину, так казалось безопасней – только от него или от нее самой – было не ясно, и спокойно закрыла глаза.

Глава 4. Как закрываются и открываются гештальты

Утро робко заглядывало в замерзшие окна, практически не разгоняя ночные тени. Под двумя одеялами и с теплым женским телом под боком желание встать, куда-то идти и что-то решать равнялось нулю, но физиология давала о себе знать, да еще и пах жутко тянуло. Брендон осторожно вытянул руку, на которой лежала взъерошенная головка Трейси, припоминая, что снились ему по-настоящему сладкие сны. Он тихо засмеялся: кончить от перевозбуждения в трусы – самое большое фиаско со времен старшей школы, хорошо, что пронесло.

Брендон дотянулся до телефона и взглянул на время: восемь часов, а кажется, что пять. В комнате хмуро и сумрачно, но отсутствие яркого света не помешало ему задержать взгляд на ногах и заднице Трейси, когда он откинул одеяло, собираясь подняться. Она спала, свернувшись калачиком, волосы распушились и темными завитками лежали на подушке, губы чуть приоткрыты, футболка безбожно задралась, открывая всю нижнюю часть мисс Полански. Брендон даже удивленно присвистнул, решив, что на ней нет трусиков, но потом все же разглядел гладкий бежевый шелк. Сейчас она больше напоминала милую девочку-подростка, чем преуспевающего циничного адвоката, но ему Трейси нравилась именно такой: с вызовом, с последним словом, которое она старалась оставлять исключительно за собой. Брендону нравилась эта борьба, поэтому-то он не форсировал события, не торопился затаскивать ее в постель.

Он знал: секс между ними рано или поздно случится. Чему быть, того не миновать, и, по его мнению, они достаточно долго к этому шли. Больше двух лет прошло с их первой встречи! Знакомство двенадцать лет назад в Париже в расчет не шло. Сегодняшняя ночь прекрасно подходила, чтобы наконец переступить черту и закрыть вопрос, вот только ему сказали «нет».

Брендон и сам не рассчитывал на такой подарок: застрять в глуши, вдвоем, в одной постели, поэтому на ее отказ делал скидку, как на форс-мажорные обстоятельства. Сейчас утро, впереди еще целый день, а, возможно, еще одна ночь...

С этими мыслями он осторожно, стараясь не разбудить, укутал Трейси в одеяло и поднялся. Умылся, оделся и уже набросил на плечи куртку, когда с постели донеслось сонное бормотание. Трейси резко села и, нахмурившись, настороженно рассматривала комнату и его самого.

– Я принесу вещи и скажу, чтобы завтрак для тебя подали в номер. – Она непонимающе хлопнула ресницами и зевнула, вызывая смех: ну просто сонный несмысленный котенок! – Не скучай.

Снег медленно падал, оседая тусклым серебром на черных волосах. Брендон тряхнул головой, быстро спускаясь к дороге, и криво улыбнулся: который из больших белых сугробов его «Рендж Ровер»? Он щелкнул ключом, внимательно разглядывая, где мигнут фары, затем подошел к машине, похожей на гигантского медведя, стремящегося выбраться из засыпанной снегом берлоги.

Патрульные все так же дежурили, но сержанта, посоветовавшего им гостиницу, не было. Брендон достал свою спортивную сумку – в Аспене у него было достаточно вещей для недельного отдыха – и пузатый, практически неподъемный чемодан Трейси.

– Офицер, – поприветствовал он, хлопнув багажной дверью. – Дорогу сегодня откроют?

У полицейского затрещала рация, и он, жестом сделав знак подождать, ответил в устройство:

– Бо, ну, что там у вас? – Он хмуро кивал, словно собеседник мог это видеть. – Так шевелите задницами! – Мужчина отключился, бубня себе под нос: – Пончиками они, видите ли, завтракают. Техника уже движется к месту завала, думаю, к полудню разгребут, – обратился он к Брендону.

–//-

Трейси переделалась в светлый шерстяной свитер с широкой горловиной, которая постоянно съезжала, оголяя одно плечо, и мягкие домашние штаны. Брендон принес чемоданы, переделался, веско заметив, что свитер без майки колет его нежную кожу, и ушел. День постепенно клонился к вечеру, а его все не было – Трейси начинала волноваться.

Она теплым полотенцем протерла окна и с кружкой горячего чая устроилась на подоконнике. Миссис Бролин – жена старого Эрла – оказалась очень доброй, приятной, а главное, заботливой женщиной. Ее беспокоила прохлада в номере, который она называла не иначе, как «продуваемый всеми ветрами чердак», поэтому-то и принесла увесистый поднос с чайником, двумя фарфоровыми чашечками с улыбочными снеговиками, пиалу с медом и печенье.

Трейси сделала осторожный глоток крепкого ароматного чая и посмотрела в окно. Редкие снежинки продолжали кружиться, неспешно ложась на землю. Высокие ели, стоявшие вдоль спуска к дороге, полностью укутались в белоснежные шубы, а ледяные наросты, как серебристая бахрома, свисали снизу. Небо было набухшим, плотным, серым, а острые пики видневшихся вдалеке гор словно громадные ножи пронзали его, но вместо крови медленно падал снег. Суровая первозданная красота всегда впечатляла Трейси больше, чем мягкие пески и бирюзовые волны. Она любила походы, дикие леса и зеркальную гладь озер. Робела перед мощью и преклонялась перед красотой диких необжитых мест.

Трейси улыбнулась, вспоминая, как родители в шутку предложили ей пожить на Аляске. Нет, когда она осознала, чего хочет от жизни, кем хочет стать, этот вариант не подходил. Трейси стремилась к успеху и признанию, желала быть востребованной в своей области, хотела независимости как финансовой, так и эмоциональной, и она этого практически добилась, потому что в их профессии нельзя расслабляться: то, чего ты стоишь, нужно постоянно доказывать и подтверждать, иначе тебя сожрут и выплюнут косточки.

Она бросила взгляд на молчаливый телефон: без четверти четыре, а казалось, что близятся вечерние сумерки. Не так ей представлялся этот день. Трейси должна была сидеть у рождественской елки в доме Ника и Шэрен, раскладывать подарки, пить шампанское и ждать волшебства. Она не верила в Господа Иисуса Христа, но не отрицала его рождения, жизни и смерти. Поэтому так же, как и все, ждала, когда стрелка замрет на заветных двенадцати часах – для Трейси это стало символом обновления и очищения, своеобразная точка отсчета, когда отбрасываешь все пустое и ненужное и вступаешь в новый день с высоко поднятой головой и широкой улыбкой. Трейси взглянула на свое бледное, едва различимое отражение и задумчиво спросила:

– Интересно, какая она?

После того, как Шэрен сообщила, что Брендон будет не один, этот вопрос часто занимал ее. Ее разждало любопытство: очень уж хотелось взглянуть на женщину, приручившую самого неисправимого кобеля Нью-Йорка. По словам Шэрен, они давно знакомы – их родители крепко дружат, – но все равно она была удивлена не меньше самой Трейси, когда Брендон объявил о том, что праздники проведет с Наташей. Она уже ждала его в Аспене. Ждала в компании четырех Стеклеров – именитых родителей.

– Ужасное имя, – пробурчала вслух Трейси, потом громко вздохнула – имя-то красивое. Она встала, снова наполнила чашку и замерла, прислушиваясь: шаги, тихо щелкнула дверь, и вошел Брендон.

– Наконец-то! Я уже подумала, что ты уехал без меня.

Он подошел ближе, на ходу снимая перчатки. От Брендона словно исходил стылый пар, Трейси даже повела голым плечом, зябко дрогнув и вручив ему дымящуюся кружку.

– Дорога свободна. – Брендон сделал глоток и обхватил пальцами белый фарфор, согревая руки и пряча шербатые улыбки снеговиков.

– Мы можем ехать?

Он поставил на подоконник кружку, бросая настороженные взгляды в окно.

– Ехать сейчас неразумно. Лучше утром.

– А как же имбирные пряники, шампанское и подарки? – тихо спросила Трейси.

– Все, что хочешь, – Брендон мягко привлек ее к себе и обнял за талию. – Сегодня волшебная ночь, и я надеюсь на чудеса.

– Где ты был? – Она положила руки ему на грудь, чуть сминая плотную ткань куртки.

– Махал лопатой. – Трейси изумленно подняла брови. – Помогал Эрлу чистить дорожки.

– Полегчало? – Она потянула замок, освобождая его и себя от холода пуховика.

– Нет, – вкрадчиво прошептал он, одной рукой прижимая к себе Трейси, другую выдерживая из куртки.

– Брендон, мы не должны...

– Должны. – Он провел кончиками пальцев по обнаженному плечу, затем откровенно спросил: – Неужели ты никогда не думала, как это может быть между нами?

– Нет.

– Лгунья.

– Ну, может, раз или два, – уклончиво проговорила Трейси.

– А я три или четыре, – пошутил Брендон, вызывая на ее губах улыбку. Он видел: в каре-зеленых глазах еще отражалось сомнение и протест, а вот тело сдалось. Она позволила их бедрам соприкоснуться и чаще задышала, ощутив его готовность начать их праздник.

Брендон невесомыми, легкими поцелуями ласкал ее плечо и шею, задирая свитер и нежно поглаживая плоский живот.

– Не надо, не продолжай, – предприняла последнюю попытку Трейси. Он остановился и посмотрел ей прямо в глаза.

– Ладно, продолжай, – окончательно сдалась она. Он спрятал победную улыбку в темно-каштановых волосах, зарываясь в них носом, вдыхая аромат, и сильно сжал грудь, вызывая короткий стон.

Трейси горела. Ощущение, что если она сейчас же не коснется его кожи своей, то погибнет, разрывало изнутри. Она резко потянула вверх серый блейзер, через мгновение отбросив его в сторону. Футболка под ним была влажной от пота и источала острый запах мужчины.

– Мне нужно в душ, – плотнее прижимая ее бедра к своим, произнес Брендон.

– Не нужно. – Она провела пальцами по груди, горячей и практически гладкой, затем обвила его шею и поцеловала. Мягкие губы, жаркие поцелуи, рваное дыхание – и все «правильно» и «неправильно» перестали существовать.

Брендон прерывал поцелуи, только чтобы стянуть с нее вещи, пока Трейси не осталась в одних штанах. Он потянул за серую ленту, и они упали к ногам, окутывая ступни мягким облаком. Брендон сдвинул трусики и тут же застонал: его пальцы легко вошли в горячую влажную плоть.

Трейси расстегнула ремень и запустила руку в джинсы, сжала член, твердый и большой, который толкался ей в ладонь, требуя ласк. Она подчинилась – медленно провела рукой до основания, затем обратно, чуть надавливая на головку, с каждой секундой двигаясь быстрее, пока Брендон, утробно зарывав, не отстранился, стягивая кружевные трусики.

Он смотрел ей в глаза, когда разводил ноги и откровенно касался клитора, словно хозяин, словно это не он опустился перед ней на колени, а Трейси лежала у его ног, податливая и готовая. Брендон целовал ее живот, спускаясь ниже, дразня не только пальцами, но и языком. Трейси ахнула, пряча пальцы в его волосах, почувствовав особенно острую ласку и взмолилась: – Трахни меня.

Он резко поднялся, подхватывая ее за бедра, и упав на диван, усадил сверху. Чуть сдвинувшись, Трейси освободила его член и громко застонала, когда Брендон снова поднял ее и резко вошел, сжимая до боли ягодицы.

Они больше не целовались, только дышали. Брендон покусывал ее шею и крепко сжимал бедра, увеличивая темп, а Трейси забылась, чувствуя только их тела, ощущая, как внутри пульсирует горячий член, а клитор трется о его лобок, с каждым движением приближая оргазм. Оглушительный и яркий: именно так сказала бы Трейси, если бы могла говорить.

Брендон на секунду замер, давая ей мгновение прийти в себя, и, поймав взгляд, глухо спросил:

– Ты предохраняешься? – Она едва успела кивнуть, а Брендон уже схватил ее за волосы и с силой потянул назад, открывая длинную шею и проводя по ней языком. Трейси снова задвигалась, быстро и резко, вторя его движениям, пока он со стоном не сжал ее в стальных объятиях, останавливая и кончая.

Праздник начался...

Они допивали вторую бутылку шампанского, до полуночи было меньше пяти минут. Брендон лежал, накинув на бедра простыню, Трейси сидела напротив, прикрывая одеялом обнаженную грудь. Оказывается, в этой комнате не всегда прохладно! Они разговаривали ни о чем, шутили и громко смеялись. То ли алкоголь, то ли атмосфера нереальности происходящего, но Трейси совершенно не чувствовала неловкости или стеснения. Ничего не изменилось между ними – это удивляло, радовало и даже пугало.

– У меня кое-что для тебя есть. – Брендон допил шампанское – последнее, у Эрла больше не было, – поставил бокал и поднялся. Трейси проводила его взглядом, больше заинтересованная поджарым телом, чем подарком.

– Закрой глаза, – горячим шепотом велел он, присаживаясь сзади и сжимая рукой грудь. Трейси удивилась, но повиновалась. Через пару секунд что-то холодное легло чуть ниже ключичной ямочки, заставляя нахмуриться. Холодный бриллиант, как сияющая слеза, на тонкой платиновой ниточке лежал у нее на груди. Красиво, дорого и странно.

– Это точно для меня? – шутливо поинтересовалась Трейси. – Это ведь предназначалось твоей подруге, да?

– Нет, для нее другой подарок.

«Неужто кольцо?!» – хотелось воскликнуть, но она сдержалась и, повернувшись, поцеловала Брендона в губы.

– Спасибо, мне очень нравится, – мягко начала Трейси, – но это уже слишком. Я не должна его принимать. – Трейси потянулась к застежке. – Тем более, когда ты увидишь мой подарок...

– Степлер? – прервал он, убирая ее руки, не позволяя вернуть подарок. Она недоуменно посмотрела на него. – Чтобы мне рот закрыть, только так у тебя появится шанс в деле Палмеров.

– Нет! – не сомневаясь в своей победе, воскликнула Трейси. – Наручники.

Брендон удивленно рассмеялся, но явно задумался над их применением.

– Сейчас. – Трейси голая прыгнула с кровати и, порывшись в раскрытом чемодане, произнесла: – Я долго выбирала между наручниками и степлером и... вот.

Она протянула ему нечто обернутое в темно-бордовую подарочную бумагу.

– Я ведь еврейка, поэтому... – мялась она, пока Брендон разворачивал упаковку. Ей было неловко, но не из-за горячего взгляда, скользившего по обнаженному телу, а потому что...

– Деловая этика, – прочитал он название книги. – Пособие для начинающих юристов.

Трейси закусила губу, надеясь, что он оценит юмор. Брендон оценил. Сначала тихо, потом его смех заполнил всю комнату, эхом отражаясь от морозных окон. И если бы не запищавший мобильник, они бы пропустили Рождество.

– Полночь, – благоговейно прошептала она.

– С Рождеством, – отбрасывая книгу, Брендон притянул Трейси на кровать и накрыл ее тело своим.

–//–

Аспен в искристых золотых лучах был прекрасен! Нет, небо не стало кристально-чистым – рваные облака практически полностью скрывали нежно-голубую гладь, но солнцу удалось согреть макушки гор и ранними звездами посеребрить землю. Трейси так восхищенно разглядывала проплывавшие за окном пейзажи, что не заметила, как они приехали. Брендон, скрипя шинами о хрустящий снег, притормозил возле роскошного шале, Трейси присвистнула, впечатленная «карточным домиком» Ника, как в шутку отзывался об особняке Брендон.

Первый этаж из гладкого камня, второй и третий – полностью деревянные. Изысканный и одновременно такой уютный дом. Фасад заботливо украшен яркими гирляндами и фонариками – угадывалась рука Шэрен. Во дворе слеплена пара снеговиков, один, правда, был перекошенным, с торчавшей в сторону морковкой, будто ему только что съездили по морде.

«Наверное, этого лепил Ник», – со смехом подумала Трейси и выскочила из машины навстречу показавшейся в дверях подруге.

– Наконец-то! – воскликнула Шэрен, обнимая её. – Я волновалась.

– Великолепно выглядишь! – рассматривая подругу, искренне восхитилась Трейси. Тоненькая и хрупкая, с румянцем на щеках и золотистыми волосами, рассыпавшимися по плечам и спине – рождение сына нисколько не изменило Шэрен. Они дружили с детства и всегда контрастировали друг с другом: ангельская красота и земная притягательность – от парней не было отбоя. Трейси купалась во внимании, Шэрен его не замечала, за редким исключением. – А грудь у тебя все-таки стала больше! – уверенно заявила она. – Понятно, почему Ник не хочет оставлять вас в Нью-Йорке.

– Думаешь, из-за сисек? – озадаченно нахмурилась Шэрен. Трейси рассмеялась и скопировала голос бабули Прескотт:

– Фи, какие еще сиськи! Вымой рот с мылом!

– Мне можно, – улыбнулась Шэрен, – у меня ребенок.

– Вот именно, у вас ребенок, а Ник до сих пор боится, что ты можешь уйти от него!

– Не начинай, ты же знаешь, как он реагирует на это.

О, Трейси знала! Ник пока мог – пока живот Шэрен пролазил в дверь самолета, – таскал ее во все поездки, в каждую командировку, словно она могла сбежать от него, появившись удобная возможность. Другая, возможно, так бы и сделала, желая избавиться от назойливого внимания, но, во-первых, Шэрен обожала мужа, а, во-вторых, Ник был чертовски привлекательным и невероятно настырным – от такого не убежишь.

– Пойдем, я сделаю сэндвичи и кофе, обед только через час будет готов.

Трейси вошла, сталкиваясь в дверях с натягивающим куртку Ником. Он, загадочно улыбаясь, чмокнул ее в щеку и пошел к разгружавшему машину Брендону.

Удобно устроившись на кухне и быстро глотая горячий кофе, Трейси поинтересовалась:

– А где Мэтти?

– Спит, – Шэрен бросила взгляд на радио-няню, – но Лилиан все равно стережет его.

– Вы что, без няни? – Трейси любила крестника, но надеялась на внимание его мамы, которую любила не меньше.

– Какая няня, – иронично заметила Шэрен. – Лилиан была категорически против, они с Мартином не отходят от Мэттью. Так балуют его.

– Его все балуют, даже бабуля Прескотт.

– Это единственный мужчина, которого она обожает безоговорочно! – Они одновременно рассмеялись, вспоминая крутой нрав Джанетт Прескотт – бабушки Шэрен.

– Но со свекровью тебе повезло, Лилиан классная! – отсмеявшись, заявила Трейси и обернулась на мужской смех. Брендон вошел первым и положил возле нее подарочную коробку с сигарами. Наверняка, подарок вошедшего следом Ника.

Шэрен не успела опомниться, как Брендон схватил с тарелки сэндвич, а Ник взял второй, предназначавшийся Трейси. «Да, мне-то повезло», – мысленно ответила Шэрен и отчего-то вспомнила миссис Стеклер. Внешне Брендон был похож на мать – испанку по происхождению. Смуглая кожа, черные волосы и строгие, даже хищные черты лица. Шэрен задумалась, вспоминая Патрисию: не то, чтобы она ей не нравилась, но в матери Брендона интуитивно угадывался снобизм и высокомерие. Она большое значение придавала условностям и корням, четко ранжируя подходящих и неподходящих. Но, возможно, так и должна вести себя жена мэра, который, к слову, был невероятно обаятельным мужчиной. Вот откуда гремучая смесь под названием «Брендон».

– Я поеду к себе, вечером заеду, – произнес он, словно заглядывая в мысли Шэрен.

– Может, останешься на обед? – удивляясь, как быстро он расправился с бутербродом, спросила Шэрен. Брендон отрицательно качнул головой, взял лежавшие возле Трейси сигары, шепнув ей на ухо: «Это мое лучшее Рождество».

Когда мужчины вышли, Шэрен изумленно воскликнула:

– Ты что, переспала с ним?!

Трейси поперхнулась кофе и, прокашлявшись, сипло проговорила:

– Это ничего не значит. Просто секс. – Она понимала, откуда такая реакция, ведь сама же не раз утверждала, что с Брендном ляжет разве что в гроб, и только потому, что будет мертва и у нее не будет выбора. А еще, при свете дня, вся ситуация выглядела паршиво: переспать с мужчиной, у которого есть девушка, которая в это время ждала его у него же дома, с его же родителями! Позор. А в добавок ко всему вся эта дружная компания должна провести вместе незабываемую праздничную неделю – двойной позор! «Четыре оргазма хорошо делятся на два позора, – размышляла Трейси, стараясь мыслить позитивно. – Я даже в плюсе. Пока». Она не то чтобы жалела, но повторять не собиралась, по крайней мере, именно так заявила Брендону, когда он затаскивал ее под душ. Она уступила, в последний раз. Его доводы оказались впечатляющими и очень убедительными.

– Секс всегда что-то значит, – тем временем парировала Шэрен, наливая в стакан апельсиновый сок и подавая тарелку с еще одним сэндвичем.

– И что же? – Трейси откусила большой кусок и зажмурилась от удовольствия: хрустящий хлеб и тунец – потрясающе!

– Ну-у, – задумавшись, протянула Шэрен. – Хотя бы то, что вы еще можете им заниматься!

– Аргумент, – вмешался в разговор Ник, подходя к жене. – Если что, я в кабинете, мне нужно немного поработать.

«И мне», – про себя вставила Трейси.

– Ты же обещал не работать! – расстроилась Шэрен.

«И я обещала», – думала Трейси, доедая бутерброд.

– Я быстро, клянусь, или хотите поговорить втроем? – Ник, удобно устраиваясь на высоком стуле, невинным взглядом смотрел на болтливых подружек.

– Иди уже, – махнула рукой Шэрен и добавила, когда муж вышел: – Это все переезд.

– Тяжело уезжать в чужую страну? Бросать дом?

– С Ником я везде дома, а Мэтти полезно попрактиковаться в лингвистике, тем более что его папа обожает Францию. Бабушка, конечно, расстроена, но я им сделала визы, будем летать друг к другу в гости. – Она тоскливо улыбнулась – уезжать было тяжело. – Ладно, вернемся к тебе. И как?

– Что: как?

– Ты знаешь что!

Брендон всегда казался напыщенным самцом и вел себя соответственно, но теперь у Шэрен появилась возможность узнать: так ли это? Есть там хоть на что смотреть?

– Нормально.

– Просто нормально?

– Хорошо.

– На сколько по десятибалльной шкале?

– На одиннадцать, – не раздумывая, ответила Трейси.

– Дюймов? – рассмеялась Шэрэн и, быстро оборачиваясь, как ни в чем не бывало проворковала: – Кто у нас проснулся!

На кухню вошла Лилиан Хейворт – мать Ника – с Мэттью на руках.

– Здравствуй, Трейси, – она поцеловала ее в щеку и передала сына матери. – Мэтти очень голодный.

– Я вижу, – смеясь, ответила Шэрэн, когда сын начал запихивать в рот ее волосы.

– Что вы тут обсуждали так весело? – присаживаясь, спросила Лилиан.

– Трейси ходила на новый спектакль, экспериментальная постановка, вот рассказывала.

– И как? Есть потенциал?

– Да, – серьезно отозвалась Трейси. – Большой, я бы даже сказала огромный.

Шэрэн с силой прикусила губу, чтобы не прыснуть от смеха – Мэтти удобно устроился у нее на руках, и она боялась напугать его – крику будет столько, что никакой кашей потом не накормить!

– О, я обожаю эксперименты в искусстве! – веско заявила Лилиан. – Обязательно схожу.

Шэрэн все-таки захохотала во все горло – Мэтти вторил ей плачем.

Ленивое праздничное настроение зачаровано плыло по воздуху, заряжая беззаботной радостью атмосферу в большой уютной гостиной. В панорамных окнах отражались разноцветные огоньки, загадочно мерцавшие на рождественской елке. Над камином, украшенным хвойными ветками, синими шарами и маленькими свечками, висели большие красные носки, в очаге мерно потрескивали поленья, чью негромкую песнь идеально дополнял тихий храп. Трейси с Мэттью играли возле елки и слушали «Паутинку Шарлотты», которую негромко и с выражением читал отчим Ника, но атмосфера шутилой возни, по всей видимости, действовала на Мартина усыпляюще, и через четверть часа он тихо посапывал, все также держа в руках книгу.

Подгузники из торта разлетелись по всей комнате, один даже чуть не сторел в камине; голубых зайчиков и шелковые ленты маленький исследователь попробовал на вкус, обильно обнюхивал, затем бросил, как не представлявшее для него интереса барахло. Пока Шэрэн варила кашу, Трейси старалась занять ребенка. Это было непросто: Мэтти желал срывать стеклянные игрушки и тянуть гирлянду, а Трейси хотела обойтись без жертв, но, судя по тому, как опасно трясется елка, жертвы будут, по крайней мере, одна точно.

– Ты не пройдешь! – низким голосом прорычала она, разводя руки и не пуская смеющегося малыша на трясущихся ножках атаковать елку. Он на секунду замер, хмурия светлые брови, затем послышался характерный звук, и Трейси удрученно уронила голову.

– Иди сюда, – она взяла его на руки, принимаясь. – Пойдем к мамочке менять подгузник. – Мэтти скривился, собираясь заплакать, Трейси начала строить рожицы, отвлекая его и одновременно рассматривая, пытаясь уловить знакомые черты: голубые глаза, пухлые щечки, светлые кудри – как миллионы детей, но когда он целеустремленно шел к цели, недовольно поджимая маленький рот, похож был на папу, по крайней мере, Шэрэн это утверждала. – Красивый, как мама, упертый, как папа, – констатировала Трейси и испуганно вздрогнула, когда чьи-то сильные руки крепко прижали ее к себе. – С ума сошел?! – прошипела она, вырываясь из объятий.

Брендон насмешливо улыбнулся и взял у нее ребенка.

– Привет, мужчина. – Мэтти положил ему руки на лицо и начал пальчиками исследовать нос, лопоча на своем языке.

– Мужчина обделался, подгузник менять будешь?

Брендон бросил на нее выразительный взгляд, задерживаясь на высокой груди, и спросил:

– Замерзла?

– Нет, – не понимая к чему он клонит, ответила Трейси.

– А кажется, что замерзла, – он посадил ребенка на локоть и коснулся ее груди, погладив большим пальцем выступавший сосок.

– Прекрати! – Она ударила его по руке за секунду до того, как в дверях появилась Шэрен.

– Мама, у нас проблемы, – шутливо пародируя детский голос, сказал Брендон.

– Сейчас решим, – Шэрен забрала сына и наградила Трейси удивленным взглядом, когда та вызвалась помочь.

Брендон с ликованием наблюдал, как опасливо она обходит его, боясь остаться наедине.

– Беги, Форест, беги, – вслед шепнул он и резко обернулся, услышав копошение сзади.

– О, Брендон, – сонно озирался Мартин. – Ты что-то сказал?

– Да, не хотите посмотреть «Фореста Гампа»?

Глава 5. Одна Золушка плохо делится на двух принцев

Сквозь горячий пар, поднимавшийся от большого стакана с кофе, Трейси наблюдала, как Ник пытается поставить на сноуборд полуторагодовалого сына. «Мужчины такие мужчины» – думала она, улыбаясь и бросая взгляды то на Шэрен, которая смотрела на мужа с непробиваемым спокойствием, то на Лилиан, которая выглядела так, словно ее вот-вот хватит удар, будто во внука летел военный истребитель, не меньше! Трейси быстро стрельнула глазами по площадке у подножия гор, отмечая странное волнение и даже нервозность.

Брендон с Наташей задерживались. В иных обстоятельствах Трейси спокойно бы наслаждалась открывавшимися вокруг видами, но сейчас сгорала от нетерпения: встретиться с этой женщиной, познакомиться и, наконец, выдохнуть, отпуская ситуацию. Она подняла голову и, зажмурившись от яркого слепящего солнца, натянула на нос горнолыжные очки.

Утром Трейси проснулась и не поверила глазам: небо было ясным и чистым – ни облачка, ни пятнышка, ничто не портило сияющую ослепительную красоту. Только оранжевое солнце горело далеко в вышине, раскидывая в стороны пылающие лучи, одевая Аспен в сверкающие драгоценным блеском одежды.

– Заждались? – Трейси резко обернулась, коря себя за то, что отвлеклась и проглядела их приход. Она не успела удовлетворить любопытство и морально подготовиться, сразу же меняя скептический взгляд на радушную улыбку. Пристально рассматривать человека неприлично, но несколько секунд – пока все здоровались – у нее все же есть. Наташа была брюнеткой, высокой, белозубой и красивой. Большого под темно-синим костюмом и шапкой разглядеть не получилось.

– Трейси, знакомься – Наташа, – перебрасываясь шутками с Ником, произнес Брендон.

– Наташа Льюис, – улыбаясь, Наташа протянула руку. – Я много о тебе слышала и очень рада наконец познакомиться!

– Трейси Полански, мне тоже приятно, – отвечая на рукопожатие и рассматривая искреннее приятное лицо, она поняла, что Наташа ее уела, потому что Трейси восторгов от их знакомства не испытывала вовсе. – Я представляю, что ты обо мне слышала, – попыталась пошутить она.

– Только чистую правду, – весело отозвался Брендон, и Трейси отдала бы многое, чтобы сейчас увидеть его глаза, но очки скрывали большую часть лица и особенно подчеркивали полные, четко очерченные губы, еще раз напоминая, что их хозяин отлично целуется и не только в губы...

«Ну что мне с собой делать?!» – мысленно одернула себя Трейси и вознесла хвалу Мартину Кингсли, вовремя подоспевшему со ски-пассажи.

– Все в сборе, – он строго осмотрел припозднившихся, – можно подниматься.

Ник подхватил Мэтти и с самым серьезным тоном сказал:

– Ладно, чемпион, тебе, наверное, еще нужно подрасти. Я прокачусь пару раз и мы с тобой слепим снеговика. – Он посмотрел на Шэрен. – Может, поедешь?

– Нет, – отказалась она. – Мы втроем, – Шэрен бросила взгляд на свекровь, которая наотрез отказалась покидать внука, – будем кататься на санках.

–//–

Трейси глубоко вдохнула морозный горный воздух, настолько чистый, что кружилась голова и с непривычки горели легкие. Невероятная, завораживающая красота: белоснежные склоны купались в солнечных лучах, заставляя вздрагивать и часто моргать от боли в глазах – столько блеска не увидеть даже в самом роскошном ювелирном магазине; сосны и ели рассеялись по разным сторонам от трассы, разбавляя белизну редкими темно-зелеными вкраплениями.

Она непроизвольно коснулась груди, там, где висел подарок Брендона – бриллиантовая слеза вторила этому сверкающему чуду даже сквозь одежду, – затем оттолкнулась от хрустящего снега. Из всей компании только они с Мартином были на лыжах, остальные предпочитали сноуборд, но только Трейси для раскатки спрыгнула на относительно пологом склоне, оставляя сложные спуски профессионалам. Она хорошо каталась, но давно не практиковалась, а лишний раз рисковать здоровьем ни к чему: прежде чем свернуть шею, нужно выиграть дело Палмеров!

Трейси набрала приличную скорость, чувствуя возрастающую уверенность – навыки быстро восстанавливались, а лыжня была великолепна! Ветер бил в лицо, дыхание перехватывало, а адреналин щекотал нервы. Она скосила глаза влево, заметив движение: красная куртка мелькнула рядом, и мужчина молнией полетел вниз, ярдов через сто резко тормозя и поворачиваясь лицом к верхушкам гор. Трейси остановилась рядом, смиряя сердцебиение и выжидающе глядя на Брендона.

– Поехали, покажу кое-что. – Он плавно ушел к высоким елям, затем остановился и отстегнул ботинки от доски, делая Трейси знак следовать за ним.

Трейси потрясенно ахнула. Они стояли в нескольких футах от обрыва, а жилая часть города лежала у их ног, сокрытая от мира практически со всех сторон горными склонами, словно в глубокой живописной чаше.

– Нравится вид?

– Очень! – Она повернулась к нему. – Это великолепно!

Брендон взял ее за руку, отводя на абсолютно безопасное расстояние, туда, где лежало брошенное снаряжение.

– Что ты делаешь? – Трейси уперлась руками ему в грудь, возмущенная наглым поведением: не успела она нагнуться за лыжами, как оказалась прижата к Брендону.

– Хочу поздороваться, – он потянулся к ее губам.

– Виделись уже! – уворачиваясь от поцелуя, бросила Трейси. Она пыталась выкрутиться, забавляя своими потугами Брендона, пока не поскользнулась, и они вдвоем не упали в снег.

– Прекрати дергаться!

– Если ты не прекратишь, я...

– Что ты? – поддразнивал он.

– Подам на тебя в суд за сексуальные домогательства!

– Хорошо, а я поведаю судье о симпатичной родинке, которую рассмотрел, когд...

Трейси зачерпнула пригоршню снега и бросила ему в лицо, закрывая рот. Брендон, смеясь, убрал ее руку, завел за голову и прижался холодными губами к ее, ловя горячее дыхание.

Его поцелуй был с привкусом талого снега и малиновой жвачки, а мягкие губы слишком настойчивы, чтобы долго бороться. Брендон отпустил ее руки, ощутив, что сопротивление иссякло, и она отвечает ему, обнимает за шею и притягивает ближе.

Трейси всегда знала, что он бабник, и ни одной женщине не под силу изменить это, но признавала, что игра, в которую ее втягивал Брендон, возбуждает, а сорванные поцелуи и короткие объятия приятны. Даже сейчас, когда он, прервав поцелуй, смотрел на нее с самодовольной улыбкой, радуясь еще одной победе, она не злилась, только если чуть-чуть и в основном на себя.

– Слезь с меня, я замерзла!

Брендон быстро поднялся, помогая ей встать и очистить куртку от налипшего снега.

– Больше так не делай, – самым серьезным тоном велела Трейси, убирая его руки.

– А то что? – вкрадчиво поинтересовался Брендон.

Трейси резко нагнулась, подхватывая лыжную палку, и ткнула острым концом ему в пах.

– А то придется искать работу в церковном хоре.

Брендон рассмеялся и откровенно признался:

– Знаешь, что мне в тебе нравится?

– Понятия не имею.

– Грудь, задница и чувство юмора. С тобой весело, – он убрал палку и взял ее лыжи, помогая закрепить ботинки. – И родинка тоже нравится, заводит.

Трейси развернулась, оставляя пошлые выпады без ответа, и, оттолкнувшись, полетела вниз.

–//–

– У Золушки теперь вообще нет гендерного признака, – делилась мнением Шэрэн, рассказывая историю, услышанную на очередном званом обеде: богатая вдова с Манхэттена вышла замуж и приобрела вместе с мужем пасынка, а через год бросила супруга, закрутив роман с его сыном.

– В современном мире Золушкой может быть мужчина, а принцем – женщина, – согласилась Трейси, наслаждаясь яблочным штруделем. После первого спуска желание кататься поубавилось, поэтому она, сославшись на боль в колене, осталась внизу играть с крестником. Мэттью, к слову, после часа возни в снегу и катания на санках, с аппетитом пообедал и сейчас крепко спал в коляске, не обращая внимания на стоявший в ресторане шум, который больше подходил растревоженному улью, чем семейному заведению.

– Кстати, а как его звали?

– Кого?

– Принца, – Шэрэн вздохнула, когда Трейси непонимающе свела брови. – Ну, Прекрасного принца!

– А, этого! Придурком его звали. Весь вечер провел с девушкой и даже имени не спросил, а потом послал солдат искать ее по туфле, а если бы с нее трусы слетели, как бы тогда искал? – с деланным беспокойством закончила она.

– По-моему, его все же звали Кит, но ваша теория мне нравится больше, – прозвучало откуда-то из-за спины. – Здравствуйте, Шэрэн.

Трейси от неожиданности уронила маленькую вилку и повернулась на голос.

– О, Питер, добрый день! – Шэрэн приветливо улыбнулась. – Трейси, познакомься – Питер Трумэн – наш сосед, здесь в Аспене, и однокурсник Ника, работает в Вашингтоне, в администрации Президента.

– Странно, что с вашей фамилией вы еще не сидите в его кресле, – пошутила Трейси и представилась.

– Я работаю над этим, мисс Полански, – улыбнулся Питер, а она отметила, что действительно работает: как минимум один избиратель у него уже есть! Вот они – блистательные молодые политики: породистые и успешные, с белозубыми улыбками и внимательным взглядом – словно с плаката «Идеальный мужчина!». А светлые волосы и очаровательная ямочка на подбородке добавляли ему шарма.

– А Ник и Брендон здесь? – тихо спросил Питер, боясь разбудить спящего ребенка.

– Они еще катаются.

– А вы катаетесь? – Он снова повернулся к Трейси.

– Как медведь на лыжах, – вспоминая сегодняшний спуск, серьезно произнесла она. Питер чуть склонил голову, с едва заметной улыбкой рассматривая ее, и, небрежно махнув, когда его окликнули, сказал:

– Шэрэн, у вас очаровательная подруга.

Поскольку они сидели на улице, греясь в солнечных лучах, одеты были в горнолыжные костюмы и шапки, а Трейси еще и в темных очках, поэтому замечание об ее «очаровательности» казалось как никогда спорным.

– Я вам понравлюсь еще больше, когда сниму шапку, – веско заметила она.

– Вы мне уже очень нравитесь и, пожалуйста, зовите меня Питер.

– Значит, когда на мне будет платье, вы полюбите меня.

– Не сомневаюсь в этом. На приеме у Стеклеров вы ведь будете в платье?

Треysi немного смутилась, но все же кивнула.

– Тогда до вечера.

Питер отошел от их столика, а Шэрен удивленно спросила:

– Собираешься стать первой леди?

– Да нет, но я ведь хотела закрутить роман с кем-то из друзей твоего мужа, а этот мистер «Будущий Президент» симпатичный.

– Да ты уже закрутила с мистером «Адвокатом Дьявола».

– Нет, это просто...

– Секс, – закончила за нее Шэрен, – я помню.

–//-

Треysi покрутилась возле зеркала и осталась довольна собственным отражением. Это платье она собиралась надеть на рождественский ужин, но поскольку Рождество встречала голой, блеснет в нем сегодня – родители Брендона устраивали небольшую вечеринку для друзей. Волосы были убраны вверх, открывая голые плечи и бриллиантовую подвеску, идеально подходившую к черному платью со строгим бархатным лифом и шелковой юбкой, одну сторону которой украшала кокетливая волна. Более броские драгоценности (если бы они у нее были) смотрелись бы кричаще, а одинокий бриллиант уравнивал образ. Треysi прикоснулась к нему, раздумывая: может, все же снять? Но решительно отбросила эту идею. Если уж она приняла подарок, то почему бы его не носить?! Тем более, ей действительно нравится, и Брендон об этом знает. Пусть любит, только руками не трогает.

Треysi взяла телефон и выключила плеер – почему-то, собираясь под музыку, она всегда чувствовала себе неотразимой, – затем вышла из комнаты. Шэрен и Ник уже ждали внизу, Треysi замерла, потому что «ждали» было неподходящим словом. Мэтти уже спал, и молодые родители, не без помощи бабушки, оказались предоставлены сами себе: они целовались возле елки, а рука Ника то и дело взлетала к груди жены. Треysi нарочито громко начала спускаться по лестнице и громко жаловаться на новые туфли, не желая видеть, как он задерет юбку жене прямо в гостиной. А про себя посмеивалась: кто-то поедет на чопорный прием с эрекцией.

Если шале Хейвортов было, пусть роскошным, но домом, уютным и комфортным, то особняк Стеклеров иначе, чем резиденция, назвать сложно. Впечатляющий, большой, выполненный из светлого камня, с высоким крыльцом и заостренной крышей. Из высоких узких окон лился яркий свет, а на площадке возле дома не было и намека на снег: плитка сверкающе чистая, – если пройтись в белых носках, таковыми они и останутся.

Хозяева радушно встречали гостей в холле, а официанты предлагали шампанское. Снаружи дом был выполнен в викторианском стиле, но внутреннее убранство полностью соответствовало современным тенденциям: стильные коричнево-золотистые стены и натертый до блеска ореховый пол, черно-белая лестница с волнообразными стеклянными перилами и модные кресла с высокими спинками, хотя любовь к классике все же угадывалась – черный рояль, внушительный и солидный, стоял в просторном холле и удивлял как размерами, так и нахождением вне сцены городской филармонии.

Треysi, выскользнув из гостиной и спрятавшись под лестницей за поднятой крышкой рояля, положила в рот канапе с креветкой – она была голодна, а ужин еще не подавали, да и дух перевести было просто необходимо.

Последний час она то и дело с кем-то знакомилась, о чем-то говорила и широко улыбалась. Заводила полезные связи и даже встретила нескольких знакомых: пара коллег-адвокатов, с которыми приходилось пересекаться по работе, и судья, встреча с которым в неформальной обстановке, возможно, будет полезной. Всего человек тридцать, по меркам светских приемов не так уж и много, но для маленькой частной вечеринки более чем достаточно.

Она сделала глоток шампанского, мысленно составляя мнение о родителях Брендона. Адам Стеклер был приятным, обаятельным мужчиной, все еще красивым и подтянутым, хотя уже перешагнул шестидесятилетний порог, но энергия и сила ощущались в нем практически в том же количестве, что и в сыне. Наверное, поэтому на выборах Адам победил соперника абсолютным большинством голосов. А вот внутреннее содержание Патрисии Стеклер было прямо противоположным. Сдержанная и спокойная, с королевским достоинством нёсшая свою темноволосую голову и звание первой леди города. Брендон был похож на мать, но если ему, как мужчине, резкость черт шла, то ее красота казалась суровой.

– Вы от кого-то прячетесь?

Трейси, вздрогнув, резко обернулась и встретила взглядом с новым знакомым.

– Вы меня напугали, Питер.

– Я встретил Ника, он сказал, что вы прячетесь где-то в холле. – Питер осторожно рассматривал ее, чтобы не показаться невежливым, и это было приятно, особенно на фоне Брендона, который целый день демонстрировал полное отсутствие манер.

– В платье вы выглядите даже лучше, чем я представлял!

– Да, лыжный костюм никого не красит, но спасибо.

– Я не это хотел сказать, – он слабо улыбнулся. – Обычно я не так неуклюж с женщинами.

– Да ладно, Пит! – шутливо бросил Брендон, вынырнув из распахнутых дверей гостиной под руку с Наташей. – Именно так.

Питер вспыхнул, чуть плотнее сжав губы, что не укрылось от Трейси. Очевидно, подтрунивания Брендона ему не в новинку и смешными он их не находит.

– Эх, – сокрушенно покачал головой Питер, – к сожалению, я всегда был разборчивым. «В отличие от тебя» – просто повисло в воздухе, но Брендон только беззлобно рассмеялся, признавая: счет сравнялся.

– Пит, ты уже знаком с мисс Полански?

– Да, – он тепло посмотрел на нее, и Трейси заметила, что Питер расслабляется, а напряженное ожидание новой колкости, вспыхнувшее в глазах минуту назад, постепенно тает. Чувствовалось, что со Стеклером младшим он не был дружен и удовольствия от общения не испытывал. Ей-то не знать, каким невыносимым может быть Брендон, особенно в бытность учебы. Трейси помнила, какое сильное впечатление произвел на пятнадцатилетнюю восторженную девчонку, какой она была, высокомерный скучающий красавчик-студент. Правда, в том возрасте ее восторги были настолько скоротечны, что на следующий день она и думать о нем забыла, влюбившись в молодого экскурсовода, водившего их по шикарным залам Лувра. Вздыхала аж целых десять дней!

Трейси сделала еще один осторожный глоток, чтобы одним махом не осушить весь бокал, и отметила про себя, что вторые хозяева вечера смотрелись вместе отлично. Наташа в платье из темно-синего шелка, с забранными наверх гладкими черными волосами выглядела, как утонченная леди, а на каблуках стала почти одного роста с Бренденом, заставляя Трейси запрокидывать голову, чтобы встретиться с ней взглядом.

За сегодняшний день Трейси узнала о ней немало: родители банкиры давно дружат со Стеклерами, она сама состоит в совете попечителей нескольких благотворительных фондов, а самое главное, этот вечер частично и в ее честь! Как оказалось, у нее был день рождения на днях. Точнее, двадцать четвертого декабря, именно тогда, когда они с Бренденом устроили свое собственное Рождество. Узнав об этом, Трейси сочла себя аморальным чудовищем и удрученно посетовала, что кроме извинений за то, что переспала с ее мужчиной, подарка у нее нет.

– Вернемся к гостям, – ни к кому конкретно не обращаясь, предложила Трейси, желая избежать истории о «тяжелом» пути Брендона до отчего дома, тем более в сочувственной интерпретации Наташи.

«Бедный-несчастный, прямо через горы, по снегу и пешком» – наигранно улыбаясь, саркастично думала Трейси, поэтому, когда Питер протянул руку, предлагая проводить ее, тут же согласилась, но, услышав свое имя, замерла, проглатывая изумление:

– Трейси, ты ведь родом из Калифорнии? Наверное, оказаться в заснеженной глуши, ночью, – не самое приятное знакомство с Колорадо?

Неужели Брендон все-таки рассказал, что они застряли под Гленвудом вместе? Она ведь сама просила его избавить ее от покаяний кающегося грешника и умолчать об этом! Чем же еще он с ней поделился?.. Трейси внимательно посмотрела на Наташу. В адвокатской практике ей часто приходилось общаться с разными людьми, поэтому понимать, что они скрывают, стало просто необходимостью. Наташа улыбалась вполне доброжелательно, но настойчивое выражение глаз и явное ожидание ответа настораживало. Она догадывалась, но не знала наверняка.

– Это было неожиданно, – начала Трейси, – но не могу сказать, что неприятно. В Колорадо удивительная природа. – Она обвила локоть Питера, сигнализируя этим, что пора возвращаться в зал, и отвернулась, отмахиваясь от самодовольной улыбки Брендона: видимо, он принял исключительно на свой счет всю удивительность здешних красот.

В гостиной негромко играла музыка, гости разбились на небольшие группы и оживленно переговаривались: кто-то спорил, активно жестикулируя, кто-то весело смеялся, наслаждаясь вечером. Комната плавно перетекала в столовую, где официанты заканчивали приготовления к ужину, разливали напитки и зажигали свечи. Питер предложил Трейси свою компанию за столом, она согласилась. Он был холост, привлекателен и галантен – так почему бы и нет?

Непринужденная атмосфера и замечательный повар сделали вечер по-настоящему праздничным. В качестве закуски подали фуа-гра с клюквенным соусом, жареные морские гребешки и картофельный салат, затем крем-суп из бобов и запеченную кефаль, в качестве главного блюда – румяную индейку под цитрусовым соусом. Когда Трейси подумала, что непременно лопнет, перед ней поставили нежнейшее шоколадное суфле, а стол, как по волшебству, заполнился

разнообразными сырами и фруктами.

Настроение после нескольких бокалов легкого ягодного вина становилось только лучше, а стрелки часов, которые неотвратимо стремились к полуночи, рождали на губах хмельную улыбку и искреннюю радость от того, что в их компании нет Золушек! Ник с Шэрен подали положительный пример, медленно покачиваясь под музыку, и уже через несколько минут Трейси в деликатных объятиях Питера неспешно кружилась, рассматривая гипнотическое пламя камина. Он оказался приятным собеседником, деликатным и ненавязчивым: не спрашивал о личном и не настаивал на ответе, если она продолжала молчать.

– Пит, уступишь мне даму? – попросил Брендон, стягивая и пряча в карман бабочку.

– Только, если она не против.

Трейси ощутила, как его руки прижали ее чуть крепче. Питер не хотел этого танца и давал ей это понять, но желания разобраться что там за давнее соперничество между ними у Трейси не было, а вот оказаться в горячих объятиях – было, пусть всего лишь в танце.

– Она не против. – Брендон протянул ладонь, и Трейси подалась ему навстречу, ощущая сильные руки на талии, прижимавшие не так целомудренно, как надо бы.

– Ты сегодня восхитительно выглядишь, – произнес Брендон, наслаждаясь мягкой улыбкой – комплименты всегда приятны. – Но без платья выглядишь еще лучше.

«Ну почему ему обязательно нужно все испортить?» – обреченно вздохнула Трейси.

– Я уже жалею, что ты видел меня голой.

– Извини, не могу удержаться, ты так мило смущаешься.

– Ничего я не смущаюсь! – тихо запротестовала Трейси. – Просто хочу понять: ты теперь всю жизнь будешь припоминать мне ту ночь?

– Нет, конечно. Что такое одна ночь! Я планирую подкопить воспоминаний, чтобы напоминать тебе их всю жизнь.

Трейси фыркнула, привлекая внимание судьи Уоррена, танцевавшего с женой.

– Это из области фантазий, – тихо заметила она.

– Фантазий у меня много, – обжигая ее ухо дыханием, шепнул Брендон и громко втянул воздух. – От тебя так вкусно пахнет, что за...

– Ладно, все. – Трейси максимально спокойно отстранилась. – Мне нужно в туалет.

Она неспешно бродила по дому – третий этаж был абсолютно пуст – и, отыскав небольшую библиотеку, устроилась в кожаном кресле, пропахшем дорогими сигарами. Среди молчаливых книг Трейси размышляла: как она оказалась в такой дикой ситуации? Она чувствовала себя героиней какой-то дешевой мелодрамы: жена, муж, любовница.

– Бутерброд с сосиской, ей богу! – вслух воскликнула она, потом здраво рассудила, что Наташа – не жена. Это ведь смягчающее обстоятельство? А то, что сама Трейси не испытывала никаких угрызений совести, даже более того, наслаждалась флиртом с Брендоном – отягощающее?

Через полчаса часа она вернулась к гостям с мыслью, что либидо – враг современной эмансипированной женщины, и удивленно осмотрелась, наблюдая странное оживление.

– Приехали «Имейджин Драгонс»? – поинтересовалась она у Шэрен. – А я и не знала.

– Нет, – наклонилась та. – Наташу с прошедшим днем рождения поздравляют.

– Надо было в туалете пересидеть.

– Тебя и так долго не было, – заметила Шэрен, затем нахмурилась. – Он подарил ей засохший кактус? – Они переглянулись, Трейси изумленно пожала плечами. – Но ей вроде нравится.

Действительно, Наташа обнимала Брендона за шею, улыбалась и выглядела достаточно счастливой.

– Наверное, там в комплекте средство от запора, – оглядываясь, тихо ответила Трейси. Да, она была предвзята и груба, но что поделать, она всего лишь женщина и некоторое чувство ревности все же испытывала.

Трейси непроизвольно коснулась холодного камня, висевшего у нее на шее. Неужели это действительно подарок для Наташи? Колючий кактус – вполне в духе отношений Стеклер-Полански. Она повернулась к большому зеркалу, висевшему над камином, и встретила взглядом со своим отражением: бриллиант вспыхивал у нее на груди, разбрасывая в стороны серебристые искры, играя со светом и замирая в тени.

«Ну вот и что мне с тобой делать?» – спросила она у молчаливого камня, затем посмотрела в сторону именинницы и поймала на себе взгляд Брендона, горящий, затуманенный алкоголем и отчего-то безумно притягательный. «Что мне с собой делать?..»

– Пойдем, поздравим Наташу, – сказала Шэрен, беря подругу за руку. Они подошли ближе и услышали голос матери Брендона.

– Дорогой, может, сыграешь нам что-нибудь? – предложила Патрисия сыну.

– А что сыграть?

– Что-нибудь лирическое, – донеслось до уха Трейси.

– Брендон играет? На чем? – удивилась она.

– На фортепиано, – ответила Шэрен. – Пойдем послушаем.

– Странно, а я не знала.

– Вам нужно больше разговаривать, а не подначивать друг друга.

В холл переместилась основная масса гостей: мужчины громко беседовали, курили и часто прикладываясь к бокалам с виски, женщины вышли, исключительно привлеченные обещанием красивой игры.

Брендон театрально откинул невидимые фалды и чинно присел, резко вздернув руки, будто манжеты ему мешают. Зазвучало мощное вступление, обещая, как минимум, Баха, но затем музыка стала тише и нежнее. Секунда, пять, десять, мелодия нарастала, заставляя сердце биться сильнее и снова замирать, когда надрыв угасал, превращаясь в успокаивающую плавную композицию, которая через несколько вздохов снова превращалась в ураган.

Трейси слабо улыбнулась, ей знаком этот ритм. Это адвокат Брендон. Сначала обходительный и вежливый, затем путем необъяснимых метаморфоз он превращается в бульдога, вцепляющегося противнику в глотку, – первое столкновение с подобным ошеломляет. Потом он деликатно добивает соперника и с сочувственной улыбкой дает последнего пинка.

Это любовник Брендон! Нежный и неторопливый, резкий и дикий, который заканчивает медленными, тягучими поцелуями, оседая горько-сладким пеплом на губах.

У Трейси не было мужчин, игравших на фортепиано, поэтому для нее стало открытием, как мужские пальцы легко порхают по клавишам, словно ласкают инструмент. Завораживающе и сексуально.

«Понятно, почему он научился играть», – подумала она, бросая короткие взгляды вокруг. Интересно, она тоже выглядит так, словно собирается выпрыгнуть из трусов? Наверное, да, потому что играл Брендон великолепно. Трейси даже узнала мелодию и удивилась: кто бы мог подумать, что инди-рок может по-настоящему звучать: глубоко, пронзительно, чувственно. Текст песни тоже начал в хаотичном порядке всплывать в голове:

*Я предупреждал тебя:
Смотри на вещи проще.
Продолжать в том же духе
Не так уж просто
Я трахал двух телок,
Прежде чем увидел тебя,
И ты должна будешь
Жить в таком режиме
Я просто стараюсь
Жить моментом,
Когда все эти мудаки
Мечтают о настоящей любви.*

Да, лирика действительно от Брендона... Интересно, миссис Стеклер, с гордой улыбкой слушавшей сына, знакома эта песня?

Два последних аккорда, спокойных, плавных, и он резко захлопнул клап¹, подводя черту, и, поднявшись, шуточно поклонился, купаясь во внимании и аплодисментах. Трейси повернулась к Шэрен, которая, заливаясь румянцем, с рассеянной улыбкой слушала шепот мужа, обнимавшего ее сзади.

– Мы, наверное, поедem, – смущенно начала Шэрен, встречаясь с понимающим взглядом. – А ты развлекайся, водитель Стеклеров тебя отвезет, когда скажешь.

– Нет, – отозвалась Трейси, – я как Золушка в полночь убегаю от принца.

– А вот и он, – кивнул Ник в сторону приближавшегося к ним Питера. – Мы пойдем прощаемся с хозяевами.

– И за меня тоже, – попросила Трейси.

– Уже уходите? – разочарованно вздохнул Питер.

– Да, сегодня был насыщенный день.

¹ Клап – откидная крышка, закрывающая клавиши.

– Мы с Ником соседи, может, останетесь, я потом провожу вас. – Он, как истинный бойскаут, поднял руку вверх. – Клянусь доставить в целости и сохранности.

– Только не говорите, что правда влюбились, – шутливо удивилась она. Питер только улыбнулся. Он был милым и действительно понравился ей, но не настолько, чтобы провести с ним остаток ночи, пусть и в большой компании.

– Мне действительно было приятно познакомиться с вами, но... нет.

Блаженно потянувшись и зевнув, Трейси укуталась в одеяло и, крепко обнимая подушку, закрыла глаза. Сон медленно проникал в сознание, путая мысли и тасуя образы. Пока неясный звук не царапнул слух, заставляя сесть в постели. Трейси нахмурилась. Вокруг было тихо. Она снова легла, но через пару секунд шум повторился. Она поднялась и подошла ближе, когда что-то глухо врезалось в стекло.

– Птица что ли? – Трейси подняла вверх створку и снежок больно ударил ее в плечо.

– Ты ненормальный?! – выглядывая, приглушенно крикнула она.

Брендон, в небрежно наброшенном поверх смокинга пальто, стоял прямо под ее окнами. Он знаком прочертил траекторию, выдавая молчаливую просьбу подняться. Трейси округлила глаза, поражаясь такой наглости, и резко захлопнула створку. Она постояла несколько секунд в темноте, раздумывая насколько холодно на улице и, передернув плечами, широко распахнула окно.

Брендон в мигающем свете ярких рождественских гирлянд, ловко забрался на крышу, прошел, как пьяный канатоходец, – разведя руки и опасно клонясь вниз – по бортику, перемахнул на балкон, прошмыгнув мимо темных окон соседней спальни, ухватился за оконную раму и, подтянувшись, буквально ввалился в комнату Трейси.

– Завтра я точно об этом пожалею, – вслух обреченно рассуждала она, наблюдая, как Брендон скинул пальто и снял черные туфли с налипшим на них снегом.

– Если ты все равно будешь жалеть, предлагаю, чтобы это было что-то более существенное! – Он подхватил ее за бедра и закружил, пряча нос в соблазнительной ложбинке меж грудей. Трейси спала в белой хлопковой сорочке, не сексуальной, но достаточно короткой, поэтому его холодные руки, скользнув по горячей коже, вызвали легкую дрожь.

– Прекрати! – возмутилась она. Брендон поставил ее на пол, но отстраниться не дал. – Зачем ты это делаешь? Иди к себе, тебя там Наташа ждет.

– А-а-а, – раздраженно протянул он. – Причем тут вообще она? – Брендон ласково поднял ее подбородок. – Полански, ну с чего ты вообще взяла, что мы с ней вместе?

– Я... я не знаю. Шэрен сказала, что ты будешь с подружкой и я подумала... А почему ты мне не объяснил ничего?

– За тобой было забавно наблюдать.

Трейси стукнула кулачком ему в плечо. Забавно ему было!

– А почему вы всё время вместе? «Ну, почти всё», – мысленно добавила она.

– Мы давно дружим, а наши родители мечтают нас поженить, но ни мне, ни ей это не нужно.

«Святая простота!» – про себя воскликнула Трейси, вспоминая, какими глазами на него смотрит подруга детства.

– Ладно, Полански, хватит разговоров. – Брендон потянулся к ее губам, но Трейси подставила руку, заставляя его довольствоваться всего лишь ладонью.

– Что еще?

– Но, между нами, это ничего не меняет.

– Я хочу тебя, ты хочешь меня. – Трейси открыла рот, чтобы возразить, но Брендон строго на нее посмотрел, что отрицать она не решилась. – Так в чем проблема?

– Это не этично!

– К черту этику. Что еще?

– Я не люблю тебя!

– Я бы тоже не полюбил себя, но я не предлагаю выходить за меня замуж и терпеть до конца жизни.

– А что ты предлагаешь? Секс по дружбе?

– Нет, секс по взаимному желанию.

Трейси расслабилась в его руках, позволяя прижать себя еще крепче, и стянула с его плеч пиджак. Они оба свободны, находятся в сказочном месте – далеком от реальной жизни – и желают друг друга. Так какие могут быть «но»?

Она подняла бедра, позволяя Брендону снять с нее трусики и отбросить на пол, туда, где валялась смятая сорочка и дорогой смокинг. Этой ночью он не торопился брать, наоборот, медленно изучал ее тело, распаляя и дразня, пока Трейси не зашептала нежные слова, не сказала, как желает его. Говорят, мужчины любят исключительно глазами. Возможно, некоторые да, но этого заводили слова.

Брендон тут же раздвинул ей ноги, погружаясь резко, до упора. Двигаясь быстро, заставляя вторить ему, ловить ритм и собственное наслаждение, которое накатило стремительно, и Трейси вцепившись в его спину, не сдержала громкий стон, порочным эхом обласкавший слух.

– Тише, детка. За стеной спальня Лилиан.

Трейси открыла глаза и сквозь рваное дыхание проговорила:

– Ты что, и к ней в спальню лазил?

Брендон во все горло рассмеялся, наплевав на осторожность, затем закрыл ей рот поцелуем, агрессивным и диким, не позволявшим даже вдохнуть. Он с силой стиснул ее бедра, вдавливая в кровать грубыми, почти болезненными толчками, и Трейси понравилось. Она стонала ему в губы, цеплялась за широкие плечи и выгибалась навстречу. Плевать, что о них узнают. Черт с ним, что о них подумают. Максимум, что может произойти: ее переселят поближе к хозяйской спальне, там, наверное, происходит тоже самое.

Глава 6. Последний праздничный аккорд

Зимнее морозное утро вступило в свои права, нехотя освещая дома скупым блеклым светом. Горы были скрыты в густой туманной дымке, а тяжелые серые облака набухли, обещая скорый снегопад. От ясной солнечной погоды, радовавшей отдыхающих вчера, не осталось и следа. Зима вслепую раздавала карты, определяя праздничный досуг – сегодня удача выпала тем, кто решил провести день дома, у камина, с бокалом вина или горячего глинтвейна.

– Туман... – задумчиво протянул Брендон. – Катание лучше отложить, пока не рассеется. – Он достал из внутреннего кармана сигару и зажигалку, неспешно раскуривая и поглядывая на друга. Ник, сложив руки на груди и сведя брови, с интересом рассматривал, словно видит впервые, фасад собственного дома. Большие следы на девственно-чистом снегу уводили с очищенной дорожки к боковой стене шале, гирлянды частично провисали, словно их тянул несмышленый младенец, а пара декоративных фонариков и золотистых шаров стеклянной массой лежали под окнами одной из комнат.

– Никудышный из тебя вышел бы разведчик, – уверенно заявил Ник, набрасывая капюшон на светлую голову. Утро оказалось холоднее, чем он предполагал: легкий мороз приятно колот щеки, а вот уши, казалось, собирались отвалиться.

– Это вышло спонтанно, просто мимо проходил.

– Я слышал, как ты мимо проходил. Только не пойму: вы трахались или ржали всю ночь?

– Мы смешно трахались, – веселился Брендон.

– Стоя на голове что ли? – Они в голос рассмеялись, представляя самую идиотскую позу из дешевой порнухи.

– Брендон, – отбрасывая веселье, серьезно начал Ник, – я не знаю, что ты там задумал, но если обидишь Трейси, расстроится Шэрен. А моя жена не должна огорчаться, – предупредил он.

– Друг мой, я тоже не хочу портить настроение Шэрен, но, согласись, это только наше с Трейси дело.

– Мне все равно, с кем ты спишь, – заверил Ник. – Я просто хочу, чтобы ты подумал, прежде чем совершить что-нибудь непоправимое. Трейси все-таки не дырка, в которую можно случайно воткнуть член.

Брендон затаился, выпустил сизую струю дыма, разглядывая, как он, смешиваясь с горячим дыханием, растворяется в холодном воздухе.

– Ник, я... – Брендон резко замолчал, когда тот сжал ему плечо и кивнул в сторону. Мать и отчим Ника, весело переговариваясь, шли по вычищенной подъездной аллее. Лилиан обожала ранние зимние прогулки по ворочавшемуся, сонному Аспену: заснеженные улицы пусты, фонари постепенно гаснут, передавая эстафету дневному свету, воздух колючий, еще не согретый людским дыханием. И чем старше она становилась, тем раньше вставала, объясняя это тем, что тратить время на сон можно только если ты совсем еще ребенок. Потому что для детей спать – значит расти, а для стариков спать – значит пропускать жизнь. И Мартину Кингсли пришлось смириться с привычкой жены, а потом и полюбить. Сейчас они выглядели румяными, довольными и полными сил, хотя прошли явно не одну милю.

– О, у нас уже гости?! – удивилась Лилиан, отдавая сыну палки для скандинавской ходьбы. – Брендон, ты так рано и... в смокинге?!

Брендон запахнул черное пальто и опустил руку с тлевшей сигарой: портить потрясающе чистый утренний воздух курением было не стыдно, а вот под неодобрительным взглядом матери друга сгорать не хотелось. Только миссис Хейворт удавалось пристыдить его, как желторотого школьника, не используя слов – одна мимика чего стоила.

– Лилиан, вы для меня – королева, а в гости к королеве только при параде! – Он взял ее руку в белой шерстяной перчатке и поцеловал ладонь, вызывая смущенный смех.

– А что с домом случилось? – обеспокоенно поинтересовался Мартин, окидывая взглядом понурые улыбки гирлянд.

– Ночью ветрено было, – махнул рукой Ник, ненавязчиво подталкивая всех к теплому дому. Завтрак наверняка уже на столе.

– Да, – согласилась Лилиан. – Я слышала завывания сегодня. Точно с гор подул, – озабоченно взглянув на небо, предположила она.

Мартин искоса посмотрел на Брендона, но добавлять ничего не стал. Ветер, так ветер.

–//–

Оперный театр «Уилер» в новогоднюю ночь в своем зале собрал видных политических деятелей штата и именитых гостей города. Шампанское и фуршет, легкая чувственная оперетта и роскошный банкет – программа вечера, на первый взгляд, казалась очень заманчивой, но не для всех. Брендон занял место в ложе, скептически оглядывая зал и удивляясь, почему все же поддался уговорам матери и позволил затащить себя в оперу.

Проводить досуг в компании политиков, представителей власти и городской элиты он привык с молодых ногтей. Его семья и окружение были их яркими представителями. Каждый мужчина в его роду рано или поздно оказывался в кресле власть имущих: сенаторское, губернаторское, возможно, когда-нибудь и президентское. Главное, начать двигаться в этом направлении. И он начал, давно, наверное, тогда, когда сделал свои первые шаги. Брендон не просто привык быть в центре влияния, политического и финансового, он искренне наслаждался своим привилегированным положением. Его не утомляли однообразные беседы и порой скучные, твердолюбые люди, наоборот, на их примерах он учился, предпочитая не повторять чужих ошибок.

Брендон был честолюбив и собирался через пару лет баллотироваться в сенат. Репутация лучшего юриста, природная харизма, ум и родословная, в которой есть блестящие политики, – уверенность, что он добьется желаемого была велика. Правда, для осуществления планов ему необходимо обзавестись семьей, но об этом Брендон пока не желал думать. Он оттягивал момент, когда нужно будет свернуть с холостяцкой дорожки на путь примерного мужа – хотя бы в глазах общественности – до последнего. Пока этот вопрос не встал остро, Брендон хотел всласть насладиться свободой. Поэтому-то он и не был доволен сегодняшним вечером.

В Аспен он приехал отдохнуть от привычной жизни, провести время с друзьями и, черт возьми, уложить в постель желанную женщину, что, собственно, и сделал. За пределами этих стен его ждала своя история любви, чувственная и легкая, так зачем тратить время на просмотр оперы?

– О чем задумался? – склонившись к нему, прошептала Наташа.

– Раздумываю: успею ли сбежать до начала представления.

– Не успеешь, – напрооричила она, и в зале неспешно погас свет, а оркестр заиграл увертюру...

– Тебе ведь не расстроит, если я уйду? – пригубив шампанского и окинув зал равнодушным взглядом, поинтересовался Брендон. Несколько минут назад часы пробили полночь, провозглашая начало Нового года. Гости веселились и поздравляли друг друга, он успел перекинуться парой слов со всеми знакомыми и сверкнуть ослепительной белозубой улыбкой, значит, его миссия на сегодня окончена, оставаться здесь смысла больше не было.

– Конечно, нет, – тепло откликнулась Наташа. – Иди уже! – Она шутливо толкнула его в плечо. Брендон чмокнул ее в щеку и, велев не скучать, направился к выходу.

– Почему ты егопустила? – озадаченно нахмурилась Патрисия Стеклер, которая приложила немало усилий, чтобы организовать им совместный выход. В свете последних событий это оказалось непросто.

– Пусть идет, – задумчиво проговорила Наташа. – Брендон сейчас увлечен этой Трейси и удерживать его возле себя – только подогревать интерес к ней.

– Это пройдет, – заверила миссис Стеклер. Она хорошо знала сына и была уверена: когда придет время, он остепенится и выберет подходящую женщину, которая станет опорой и поддержкой на нелегком пути восхождения на политический Олимп.

– Я знаю, – согласилась Наташа. Неглупая от природы, она также была наделена в достатке такой добродетелью, как терпение. Она на многое готова была пойти, чтобы в конце получить желанный приз. Брендон был мечтой, любовью юности, со временем только крепчавшей, и Наташа была уверена: настанет момент, когда он разглядит в ней женщину, любящую и заботливую.

К ним подошел сенатор Джон Шелби, привлекательный видный мужчина слегка за пятьдесят, и, кивнув Патрисии, протянул руку Наташе.

– Мисс Льюис, позвольте?

По залу плыла очаровательная мелодия, и она, не раздумывая, вложила тонкую ладонь в руку галантному кавалеру. Наташа умело поддерживала беседу, концентрируя ее исключительно на самом сенаторе – люди любят говорить о себе, – а ей необходимо казаться вежливой и приятной. Красота, элегантность, воспитание – у нее было все, чтобы стать идеальной женой для Брендона. Она ведь была красивей Трейси Полански. Высокий лоб и точеные скулы, светлые глаза и идеальная кожа, но его по необъяснимой причине потянуло к темноглазой еврейке, довольно миленькой, но не более того. Наташа никогда не понимала, что мужчины в таких находят. Эти женщины вызывали у нее недоумение: они кичились своей независимостью и эмансипацией, старались ни в чем не уступать мужчинам, забывая главный завет – сила женщины в ее слабости. Но признать все же стоило: Трейси обладала очарованием, по-настоящему женским, и ни за какой независимостью и стальным характером его не спрятать, вон и Питер Трумэн до сих пор ходит, как бездомный щенок.

– Вы, конечно, правы, мистер Шелби, – возвращаясь к разговору, уверенно подтвердила Наташа, совершенно не вникая в суть его монолога, но точно определив, когда нужно похвалить мужчину. «Пусть», – рассуждала она, снова возвращаясь к своим мыслям. Пусть Брендон покорит эту вершину, насладиться победой и потеряет интерес. Она столько ждала, что еще одну интрижку с легкостью переживет.

–//-

В уютной гостиной медленно вспыхивали гирлянды, освещая комнату бледно-голубым светом, затем неспешно гасли, погружая ее в сумрак. Маленькие свечи, украшавшие камин, лениво горели, бросая на стену магические тени, а большие настенные часы, торжественно отметив начало нового года, пошли по новому кругу.

В доме было тихо, только иногда яркой короткой вспышкой звучал смех, но, как предрасветная звезда, меркнувшая пред неминуемым утром, быстро стихал, боясь перебудить уснувших домочадцев. Эта ночь была окутана душистым ароматом хвои, обласкана медовым привкусом пестрого печенья и хмельна от терпкой сладости дурманящих напитков.

Трейси с бокалом вина сидела под елкой, а Ник с Шэрен, обнявшись, полулежали на диване. Они негромко болтали: вспоминали прошлое, пили и грустили. Когда они еще так посидят? Трейси окрестила вечер «концом эпохи». Шэрен была самой близкой подругой, практически сестрой. Трейси, конечно, слегка драматизировала, – несколько бокалов вина весьма этому способствовали – ведь они уезжали во Францию не навсегда, всего на год, может, чуть больше, и, тем не менее, она печалилась, но по-светлому: с легкой горечью в сердце и с редким пощипыванием в глазах.

– Зато теперь ты точно будешь знать, где проведешь отпуск, – зевнув, веско заметила Шэрен.

– Эй, ты что, засыпаешь уже? – Ник улыбнулся, когда Шэрен заворочалась в его объятиях, удобно устраиваясь и прикрывая глаза. Он посмотрел на Трейси, обреченно пожимая плечами: праздник подходил к концу. Она поставила бокал на пол, забралась в широкое мягкое кресло с ногами и кивнула Нику, что может нести жену в спальню. Трейси спать не хотелось, а посидеть в тишине, наблюдая, как горят свечи, а мороз раскрашивает окна причудливым узором, не самый плохой досуг. И когда она стала такой романтичной?

У Ника пискнул телефон, он осторожно начал стучать по экрану, косясь на спящую жену, а Трейси вспомнила, что когда-то его ненавидела, а сейчас ничего. В компании Ника даже уютно и спокойно, почти хорошо. Не хватало только Брендона. «Как собеседника и друга», – про себя уточнила она.

Желтый свет автомобильных фар мазнул по большим окнам, спешно пробежался по задумчивым лицам и тут же погас. Через минуту в дверь постучали, негромко, но Шэрен вздрогнула, сонно поднимая голову и озираясь по сторонам.

– У нас гости, – успокоил Ник и бросил Трейси: – Иди открывай, это к тебе.

Как только крепкая дверь распахнулась, а колючая ночь юрким ёжиком пробежалась по открытым рукам и лицу, Брендон протянул Трейси короткую еловую веточку и потряс перед лицом бутылкой «Дом Периньон».

– С новым годом, – улыбнулся он.

– Проходи, – принимая дары, пригласила Трейси.

– У вас есть еда? – громко спросил Брендон, оказавшись в сонной гостиной.

– Да-да, – начала Шэрен, нехотя высвобождаясь из рук мужа.

– Давайте сами там, – кивнул Ник, не выпуская жену.

Трейси открыла дверцу холодильника, критически рассматривая содержимое: готовить она не то чтобы не умела, но не очень любила.

– Ждала? – Он обнял ее сзади, зарываясь носом в волосы и теснее прижимаясь к бедрам.

– Нет, не ждала. – Трейси развернулась в его объятиях, разглядывая красивое лицо в поиске следов неловкости или смущения, и не находя. Она действительно не ждала, не потому что не хотела, а потому что была уверена, что Брендон останется на том празднике. И сейчас чувствовала досаду. Трейси понимала: никто никому ничего не должен, даже более того – идти в оперу она не собиралась, и не пошла бы, но обиду от того, что Брендон не пригласил ее, чувствовала. Выходить в свет – с Наташей, заниматься сексом – с ней, Трейси. Она осознавала, что идет по классическому пути женских ошибок, но ничего не могла с этим поделать.

– Так, – бодро начала она, проглатывая неприятное чувство, – у нас есть салат с тунцом, остатки ягненка... – Брендон прервал ее, чувственно целуя уголки губ.

– Ты есть хочешь, или что? – выдохнула Трейси, ощущая его руку у себя на внутренней стороне бедра.

– Я и есть хочу, и «или что» тоже хочу. – Он подхватил ее, усаживая на мраморную столешницу и закинув руки себе на плечи, предложил: – Поехали погуляем.

Трейси удивилась. Выходить в холодную ночь – не то, на что она сейчас рассчитывала.

– А Ник и Шэрен? – слабо запротестовала она.

– Уверен, они уже в постели. Иди оденься. – Он чмокнул ее в нос и помог слезть. – Я знаю бар, в котором представлено пятьдесят сортов шотландского виски.

– Ты предлагаешь их все попробовать? – застыв в дверях, обреченно поинтересовалась Трейси. Определенно планы на ночь у него были далеки от мягкой постели. – Тебе для чего-то нужно меня напоить?

– Тепло оденься, – посоветовал он, ныряя с головой в холодильник.

Внедорожник Брендона спокойно двигался по свободным улицам, съедая милю за милей. Трейси не спрашивала, куда именно они едут, просто зачарованно рассматривала мелькавшие в окне картины.

Днем Аспен – рай для поклонников величественной природной красоты, американский оплот горнолыжного отдыха, а ночью городок представлял собой ожившую рождественскую сказку, феерию, насыщенную особым, удивительным очарованием. Романтикой дышало все вокруг, а мгла, ниспадавшая с подсвеченных луной горных пиков, смешивалась с музыкой, громко игравшей в каждом баре и ресторане, окутывая и кружа в божественном ритме настоящей жизни.

Трейси бросила взгляд на приборную панель – третий час ночи, а шумные компании и не думали расходиться. Несмотря на холод и сильный ветер, они толпились у дверей баров и клубов, курили и дурачились

– Здесь всегда так весело? – улыбнулась Трейси, рассматривая пересекавших перекресток парней – машина притормозила на светофоре, и в окно ворвались громкие голоса: ломанный английский с вкраплениями то ли русского, то ли польского.

– В сезон – всегда, – ответил Брендон, плавно выжимая газ.

– А правда, что в город можно въехать только на внедорожнике? – встрепелась она, вспоминая жалобы одного из лыжников, с которыми она вчера проходила через турникет.

– Правда, здесь бывают сходы лавин, засыпает дороги. В город не пустят на легковушке.

– Вернусь в Нью-Йорк – подам в суд на прокат автомобилей и их ржавый шевроле! – решила Трейси и, не выдержав, воскликнула: – Куда мы все-таки едем?

– Скоро узнаешь.

Машина свернула с оживленных улиц к предгорью и через пару миль остановилась возле ярко-освещенного ресторана в деревенском стиле. Брендон загадочно кивнул на дверь, и Трейси, ступив на утрамбованную снежную дорожку, замерла, не веря ушам: собачий лай – последнее, что она ожидала услышать в новогоднюю ночь.

– Где мы? – изумилась она, оглядывая невысокие постройки сбоку от основного помещения. Брендону не пришлось отвечать – навстречу уже шел крепкий невысокий мужчина в коротком пуховике и смешной меховой шапке с длинными боками, закрывавшими уши и шею.

– Готовы? – приблизившись, весело спросил он. – Брендон, – они пожали руки. – Мэм.

– Трейси, это Сэм Грин – друг всей нашей компании.

– Ага, когда вам приспичит покуролесить, – проворчал он. – Очень приятно, Трейси.

Она пожала большую твердую ладонь в шерстяной перчатке, ненавязчиво разглядывая нового знакомого: около пятидесяти, приятная внешность, – может, нос слегка крупноват – из-под шапки видна светлая чёлка.

– Пойдемте, – махнул Сэм, приглашая их к деревянному строению.

– Что происходит? – вцепившись в локоть Брендона, беспокоилась Трейси. – Увез меня ночью в горы, напустил таинственности, а сейчас нас ведут непонятно куда, – бурчала она.

– Наберись терпения, детка.

– Не называй меня так.

– Вчера ночью ты не возражала.

Трейси вспыхнула, вспоминая, что она делала, когда он называл ее «детка», и послушно последовала за ним. Зрелище, представшее на тускло-освещенном заднем дворе, заставило ее ахнуть. Сани разных видов и размеров стояли несколькими рядами, в одни была впряжена шестерка собак! Хаски, белоснежные и с черными спинами, с яркими светлыми глазами и высунутыми розовыми языками, нетерпеливо скребли лапами по снегу то заливаясь лаем, то тихо поскуливая.

– Мы будем кататься сейчас? – недоверчиво уточнила Трейси.

– Они прекрасно знают маршрут, – потрепав по холке собаку, кивнул на своих питомцев Сэм, – а ночь светлая

Трейси подняла голову, глядя в темно-синее небо, звездное и ясное, и рассмеялась, не веря, что это происходит с ней. Судя по ворчанию Сэма, Брендон, а может, и не только он, не

в первый раз привозил сюда женщин, стремясь произвести впечатление и очаровать, и, черт возьми, ему удалось! Она обняла его и поцеловала в гладковыбритую щеку.

Собаки быстро неслись по предгорью, сопровождая звон маленьких колокольчиков веселым лаем. Живописной, нетронутой, дикой природы разглядеть не удалось – ночь скрадывала образы, оставляя только темные очертания горных великанов, – но впечатления все равно были ошеломляющими!

Ступив на землю Колорадо, Трейси мечтала о чудесной сказке, и она ее получила, а когда Брендон отвез ее в небольшой охотничий домик, в котором они провели остаток ночи и весь следующий день, она даже увидела бога, четыре раза...

Глава 7. Принципиальные девушки чаще ложатся спать в одиночестве

Первая половина января выдалась чрезвычайно насыщенной: подготовка к предварительному слушанию шла полным ходом, и если с бракоразводным процессом все было относительно просто – супруги подтвердили обоюдное желание расторгнуть брак и оба согласились с выбранной причиной, – то раздел имущества стал камнем преткновения. Большим камнем – Сизифу и не снилось! Дональд Палмер – политик, причем, амбициозный, естественно, предпочел бы остаться женатым человеком, но удерживать супругу «силой» не самый удачный ход, поэтому с будущим статусом «разведен» смирился, но цель «оставить жену без средств к существованию» стала для него главной. Возможно, финансовым давлением Дональд надеялся повлиять на решение Меган, если это так, то он просчитался – она была настроена решительно! Как и ее адвокат.

Трейси собиралась добиться полного удовлетворения требований своей клиентки, какие бы огромные палки не вставляли ей в колеса. Она думала, драка начнется на этапе оспаривания брачного контракта и раздела имущества, но нет. Пелена бешенства Дональда Палмера застила ему глаза настолько, что адвокаты не могли согласовать даже список материальных благ, которыми владела чета Палмеров. Если Меган говорила черное, он говорил белое. Когда она описывала предметы искусства, дорогие вещи, антиквариат – всё, что находилось в их владении и приобретено в браке, Дональд утверждал, что ничего подобного в их особняке в Форест-Хилс нет, и жена, видно, помешалась. Особенно это касалось вещей, дорогих лично ей.

Брендон горой стоял за своего клиента, невзирая на абсурдность его поведения, да и закон был на их стороне, и вертел он им как хотел, тем более, Палмер за это хорошо платил. Не могла Трейси с миссис Палмер просто прийти в их дом и сфотографировать – в качестве наглядного доказательства – все ценности. Незнание закона не освобождает от ответственности, а Меган именно по незнанию ослабила их позиции. Поэтому удивляться затруднительному положению, в котором оказалась Трейси, было глупо. Как и тому, что отношения с Брендоном в Нью-Йорке кардинально отличались от зимней аспенской сказки.

Жизнь закрутила их в бешеном ритме, разбрасывая в разные стороны. Пару раз она звонила ему в нерабочее время, хотела предложить встретиться и поговорить о них. Ведь они так ничего и не решили, а Трейси желала знать, кто они теперь: пара, любовники, друзья или всё сразу, а, возможно, уже никто. Но Брендон не отвечал и соответственно не перезванивал. А самое главное, он и раньше поступал именно так: не берет трубку – занят, не перезванивает – и черт с ним!

Но сейчас всё обрело совершенно иное значение, окрасилось в приглушенные интимные тона, поэтому Трейси, чтобы не казаться навязчивой, звонила ему только по делу и исключительно в офис. И уж точно не ожидала увидеть его у себя в кабинете после двух недель молчания. Когда Сидни Лейк – администратор, крутившаяся, как белка в колесе, встречая клиентов и принимая звонки практически всего офиса (личные секретари были только у партнеров), – сообщила, какой видный визитер пожаловал, Трейси немало удивилась.

– Привет, – плотно закрывая за собой дверь и оглядывая небольшой кабинет, поздоровался Брендон. – Не ждала?

Трейси откинулась на спинку кресла, складывая руки в замок и, выразительно кивнув напротив, разрешила ему присесть. Брендон тихо засмеялся, поставил дипломат на стол и, обойдя его, положил руки ей на плечи, кончиками пальцев касаясь шеи, перебирая каштановые волосы.

– Почему не позвонил? – стараясь отвлечься от легкой ласки, нарочито небрежно поинтересовалась она.

– У меня здесь недалеко встреча была – вот, решил заглянуть к тебе, поздороваться. – Его рука медленно спускалась вниз, к вырезу блузки, потом смело нырнула, сжимая левую грудь.

Трейси пару секунд молчала, обдумывая ситуацию, принимая единственно верное решение.

– Так не пойдет. – Она убрала его руку и, поднявшись, развернулась. Между ними была только высокая спинка кресла – так себе препятствие, – но взгляды, которыми они обменялись, разделяли их больше, чем самая длинная дистанция: у Трейси – решительный, Брендон смотрел с надменным спокойствием: даже когда ничего не обещаешь женщине, она найдет тысячу причин упрекнуть тебя во всех смертных грехах. Жаль, что с Трейси оказалось так же, как с другими. Все это он даже не потрудился скрыть, позволяя увидеть в глазах отражение своих мыслей.

– Брендон, я не хочу, чтобы между нами все было так.

– Как так?

– Мы ведь можем быть друг с другом откровенны? – Он кивнул, и Трейси расслабилась, почти физически ощущая, что напряжение, преследовавшее с самого возвращения, начало постепенно отступать.

– Чтобы ты обо мне ни думал, я самая обычная женщина, и если ты рассчитывал обрести в моем лице нетребовательную постоянную партнершу, то ошибся. – Она грустно улыбнулась и начала перечислять: – Я обидчивая, капризная и могу даже плакать. Если мы продолжим в том же духе, я, скорее всего, влюблюсь в тебя и если узнаю, что у тебя есть кто-то еще, мне будет больно.

– Я не сделаю тебе больно, – возразил Брендон.

– Сделаешь, – мягко ответила она. «Уже сделал», – но этого Трейси вслух не произнесла.

– Действительно откровенно, – подытожил он и после секундного колебания заметил: – Мне кажется, ты что-то хочешь мне предложить? – Брендон сложил руки на спинке кресла, ожидая продолжения: она его либо пошлет, либо предложит серьезные отношения.

– Я хочу опровергнуть теорию, что после секса не бывает дружбы.

– Да я готов совместить! – шутливо воскликнул он.

– Не сомневаюсь, – поддержала веселый тон Трейси, но лучшее враг хорошего: отличный секс может испортить даже крепкую, проверенную дружбу, что уж говорить об их! – Последний вопрос, только, пожалуйста, ответь честно.

– Идет.

– Это, – она коснулась бриллианта, – ты покупал все-таки для Наташи?

– Нет, для тебя. – Трейси недоверчиво сузила глаза. – Я не дарю драгоценности женщинам, с которыми не спал, – доверительно уточнил Брендон.

– Так и со мной ты не спал! – Она махнула рукой. – Ну, когда покупал.

– Я собирался, – жестко, зато откровенно признался Брендон. – Я наигрался в поддавки.

– Спасибо за честность. Для меня это было важно. – Трейси сделала вид, что ее не задело его заявление: получается, что он намеренно играл слабо, и если бы захотел, переспал бы с ней сразу. Просто отложил момент, а от нее вроде как и ничего не зависело. Самоуверенно и высокомерно – в его духе.

Трейси собралась и, преобразившись в деловую женщину, поинтересовалась:

– Ты зашел только поздороваться или все же по делу? – Она не верила, что Брендон просто так тратит время. Оно у него слишком дорого стоит.

– Хотел пригласить тебя на уикенд в Атлантик-Сити, но, как я понял, это уже не актуально?.. – вкрадчиво произнес он, ища на лице Трейси следы неуверенности в своем собственном решении. Его влекло к ней, – что уж скрывать, но уверенности, что может предложить

что-то большее, чем просто хороший секс, не было, поэтому настаивать, лукавить и давить он не будет. Меньше всего на свете Брендон хотел причинить боль Трейси. Но если она сама захочет, то не откажется, даже если это будет стоить им душевного спокойствия. Мужчина он все же больше, чем друг.

«Актуально! Еще как!» – думала Трейси, отрицательно качая головой на его предложение.

Брендон обошел ее и присел напротив в удобное бежевое кресло.

– Я привез документы, – он открыл дипломат, а Трейси улыбнулась: она была права – первична для него всегда работа. Адвокат-друг-мужчина – цепочка, по которой они отныне будут общаться. Она тоже присела, принимая из его рук несколько соглашений. «Ну, что ты там хочешь мне навязать?» – Трейси скривилась, просматривая бумаги и удивляясь такой откровенной наглости, когда Брендон неожиданно накрыл ее ладонь своей.

– Трейси, ты какая угодно, но обычной женщиной тебя трудно назвать.

Она высвободила руку и помотала пальцем у него перед лицом.

– Не выйдет.

–//–

Приглашение на семинар от Нью-Йоркской ассоциации адвокатов валялось в последнем ящике стола, и если бы Трейси срочно не понадобился чистый конверт, она вряд ли когда-нибудь туда заглянула.

– Отель «Парк Лейн», – вслух зачитала она. – Лекция Оуэнса, фуршет и напитки.

«Так-так» – прикидывала она. Начало в семь, и у нее есть время даже заскочить домой переодеться. Трейси была загружена, и надо бы еще посидеть над документами, но ее не покидало ощущение, что голова набита ватой, а мозговая деятельность вялая, как огурец, пролежавший на дне холодильника с месяц. Возможно, стоит развеяться и вылезти из офиса? Лекция о новом законопроекте, регулирующем процесс защиты лиц, причисленных к Национальному Преступному Синдикату и решившихся на сделку с правительством, интересовала в меньшей степени – не ее профиль, – чем пара коктейлей после. Почему бы не совместить приятное с полезным?

Приняв душ и сменив брюки и блузку на коктейльное черное платье, Трейси влетела в вестибюль отеля, быстро записалась у регистратора и, получив брошюру по освещаемым на семинаре вопросам, вошла в конференц-зал. Председатель ассоциации говорил четко и громко, акцентировал внимание на действительно важных вещах и опускал водянистые разглагольствования. Трейси слушала его внимательно, отмечая, что мистер Кларк Оуэнс прекрасный оратор, но несколько раз все же отвлекалась, оглядывая зал. Брендона она так и не увидела, что было странно, учитывая тему лекции, но в душе обрадовалась. Потому что дружба после секса может и возможна, но общаться по-прежнему не получалось. По крайней мере, у нее.

Каждый взгляд, звонок или встреча воспринимались уже не так спокойно, а мысль: «вдруг он звонит не только по работе?» стала какой-то навязчивой. Поэтому Трейси не придумала ничего лучше, как свести общение к минимуму: передавала через секретаря все, что не требовало личного разговора; старалась лишний раз не смотреть в его сторону; если случайно обедала или ужинала в одном с ним ресторане, то избегала предложений присоединиться, ссылаясь на занятость и спешку. Заметил ли он эту перемену? Сказать сложно, они ведь и раньше общались не так чтобы часто, но, если выдавалась возможность, не упускали ее. Даже если Брендон что-то и заметил, то не расспрашивал и душевных разговоров не заводил, и Трейси была за это благодарна. Она сама себя накрутила и предпочитала в одиночестве раскрутиться.

Трейси настолько сильно задумалась, что пропустила конец выступления председателя Оуэнса, который уже передал слово сенатору от штата Нью-Йорк – Нилу Бреслену. Он долго говорил о необходимости совместной борьбы с организованной преступностью, что в свете такого прискорбного для всего цивилизованного мира явления, как терроризм, главы синди-

ката снова набрали мощь и сосут миллиарды долларов из страны. Что они издеваются, насмеются над законом, постоянно находя лазейки обойти его и не платить за совершенные преступления. Сенатор закончил, давая выступить ведущим юристам страны с огромным опытом по работе с уголовными делами.

Трейси подалась вперед, разглядывая поднявшегося на сцену Брендона: строгий темный костюм, модная стрижка, небрежная брутальная щетина. Она была готова поспорить, что бриллиантовую сережку он так и не снял, и восхищалась этим. Ему было плевать, что кто-то может посчитать подобное украшение недопустимым и вызывающим для мужчины. Брендон богат, успешен и красив, он сам определял, как ему выглядеть и что делать, и сейчас именно он стоял на одной сцене с видными и уважаемыми политиками. Что ж, они правильно сделали, пригласив выступить Брендона. У него была широкая практика в Нью-Йорке, огромный опыт в уголовном праве, много клиентов, рассеянных по всей стране, которые обращались только к нему, если им требовались услуги юриста.

Трейси зачарованно смотрела то на него, то в зал: его внимательно слушали, задавали вопросы, если Брендон шутил – смеялись, когда говорил серьезно – отдавали внимание без остатка. У него был низкий глубокий голос и умение не просто рассказывать, а сплести слова в необычный кружевной узор, за которым зачарованно следишь, боясь пропустить следующий виток.

Официальная часть подходила к концу: выступавшие, устроившись за длинным столом, детально отвечали на многочисленные вопросы. Трейси решила воздержаться, не желаяшний раз привлекать внимание к своей персоне. Она считала себя человеком беспристрастным в отношении клиентов и свято верила, что каждый имеет право на защиту и справедливый суд. Любой человек невиновен априори, пока его вина не будет доказана. Хороший адвокат – тот, который может отстоять интересы клиента. Если прокурор не смог доказать вину подсудимого, это не защита изворотливая и хитрая, пользующаяся нечестными методами, это обвинение слабо. Но все эти мысли Трейси решила оставить при себе, потому что настырному сенатору Бреслену, очень жестко реагировавшему на любое отклонение от его позиции, это вряд ли понравится, а вступать в деструктивный диалог на глазах у всей ассоциации не было смысла. Уголовное право – не ее стезя, чтобы биться за него головой об стену.

Семинар закончился, и членов ассоциации пригласили в ресторан отеля: легкий фуршет и напитки определенно способствовал более глубокому и позитивному обмену впечатлениями. Трейси подошла к бару и заказала сухой martini, – вино и шампанское, предлагаемое официантами, заочно вызывало головную боль. За два года работы в Нью-Йорке у нее появилось много знакомых среди коллег, и чувствовала она себя вполне комфортно, пусть некоторые из них были больше противниками нежели союзниками.

Сделав глоток и расслабляясь после насыщенного трудового дня, Трейси присела на высокий стул, желая посидеть в тишине, глядя на симпатичного голубоглазого бармена, но адвокаты из «Хемси и Пибоди» втянули ее в спор с юристами из штата окружного прокурора. Они оживленно дискутировали, подкрепляя аргументы образными жестами – обстановка располагала ослабить узлы невидимой удавки, имя которой – деловой этикет.

Спустя час и три коктейля Трейси решила, что пора домой. Обернувшись, она кивнула на выход Дэну Коллинзу – адвокату по корпоративным спорам в ее фирме, – с которым пришла сюда, и встретила глазами с Бренденом, оживленно беседовавшим с сенатором. Он отсалютовал ей бокалом, но прерывать разговор не стал.

– Оставайся, все нормально, – успокоила Дэна, порывавшегося стать ее провожатым, Трейси. Дом, душ, сон. Все, что было необходимо. У нее так всегда: не допьешь – хочется спать; перепьешь – спать лучше в ванной. Золотая середина – когда просто хочется – бывает исключительно в небольшой компании, и привлекательный мужчина присутствовать должен обязательно.

Трейси уже накидывала пальто, когда кто-то придержал его, галантно помогая одеться.

– Уже уходишь, – лениво скользя взглядом по фигуре, обтянутой черным платьем, как перчаткой, поинтересовался Брендон.

– Да, завтра сложный день.

– Прогуляемся? – предложил он. – Нам нужно кое-что обсудить.

Они шли вверх по Пятьдесят Девятой улице, вдыхая холодный январский воздух, звенящий невероятным разнообразием звуков: от надрывной мелодии саксофона до красноречивой ругани, потоком лившейся в телефонную трубку – вероятно, кто-то сегодня будет отлучен от тела подружки. Разъяренная девушка промчалась мимо них, задев плечом Брендона, а Трейси, бросив несколько монет в раскрытый футляр уличному саксофонисту, спросила:

– Что ты хотел обсудить?

– Ты не замерзнешь? – Он бросил взгляд на открытые замшевые туфельки. – Может, зайдем в бар?

– Не хочу, – отказалась она. – Давай пройдемся, а через пару кварталов возьмем такси.

Брендон согласно кивнул.

– Мой клиент будет занят в течении всего месяца. К сожалению, в его графике нет окна, чтобы караулить вас с миссис Палмер в его доме. – Брендон особо выделил, что особняк – полностью вотчина Дональда Палмера, и оплошность Меган будет стоить им времени, нервов и, скорее всего, денег.

– Брендон, какого черта? – взорвалась Трейси. Он же специально затягивает с определением общего имущества, превращая процесс в бесконечную возню! Наверняка рассчитывая на то, что желание Меган покончить с браком быстрее сыграет с ней злую шутку, и она согласится на крохи, которые потом еще нужно будет постараться выгрызть.

– Успокойся и жди, – мягко посоветовал он.

– Сколько? До старости?

Брендон ничего не ответил, только довольно улыбнулся. Трейси плотно сжала губы, злясь на себя за несдержанность, на него за самодовольство и, развернувшись, махнула рукой, останавливая такси. Она открыла заднюю дверь, придерживая ее для Брендона.

– Я так понимаю, вместе мы не поедem?

– Нам не по пути. – Трейси не стала ждать, когда он сядет, а, завидев мигающий красный, поспешила через перекресток. Чтобы уехать к себе, не тратя время на разворот, надо ловить машину на другой стороне.

–//-

– Насколько эти маски важны для вас? – участливо осведомилась Трейси у сидящей напротив миссис Палмер.

– Я увлекаюсь африканской культурой, – смущенно поделилась Меган, словно в этом могло быть что-то предосудительное, – и собираю древние изображения языческих богов. Это моя коллекция, Трейси.

– Насколько она ценная в финансовом эквиваленте?

– Достаточно, – уклончиво ответила Меган, но встретившись взглядом с адвокатом, нахмурилась, припоминая: – В общей сложности, может, тысяча триста-четырееста.

«Прилично за шесть деревянных божков» – про себя рассудила Трейси.

– Ваш супруг утверждает, что не понимает, о какой коллекции идет речь.

– Ну это же нелепость какая-то! – всплеснула руками она.

– Нелепость – это когда жена постирала футболку мужа с автографами его любимой бейсбольной команды, а он подал на нее в суд за вандализм и хулиганство, – привела пример Трейси. – А у нас – чистый расчет. Деньги и моральное давление.

– И что же делать? – расстроилась Меган.

– Для начала успокоиться, – посоветовала Трейси. – Меган, может, у вас есть снимки вашей коллекции?

Миссис Палмер задумчиво прикусила губу.

– Боюсь, что у меня в квартире нет, а дома... – Она нахмурилась, но через секунду ее лицо просветлело. – В гостиной в декоративных нишах стоят семейные фотографии, и есть мой снимок в окружении масок.

Трейси сдержанно кивнула и вкрадчиво произнесла:

– Меган, вы можете припомнить расписание Дональда? Хотя бы примерно.

– Э-э-э, конечно.

Трейси протянула ей лист бумаги и ручку, ожидая, когда та набросает график.

– У вас в доме есть постоянная прислуга? – разглядывая записи, спросила она.

– Только Клайв, он следит за домом, вызывает горничную, когда нужно.

– А расскажите-ка мне о нем поподробней, – лукаво улыбнувшись, попросила Трейси.

Глава 8. Успешные женщины успешны во всем!

Старенький серый понтиак обреченно дернулся, захрипев, как седой старик, и, испустив последний вздох, заглох прямо на дороге, напротив трехэтажного красивого дома с ухоженным каменными дорожками и удивительно-пестрым зимним садом. Молодая девушка, в сердцах стукнув ладонью по рулю, резко дернула дверь и вышла на улицу.

Полдень – разгар рабочего дня, но на широкой улице, серой лентой, скользившей сквозь внушительные особняки, жизнь, казалось, замерла. Вокруг было необычайно тихо. Девушка поежилась и, запахнув короткую куртку, направилась по ровной дорожке к парадной двери. Обтягивающие синие джинсы, мягкие кожаные сапожки на ковбойский манер, короткие темные волосы, собранные в хвост, торчавший на затылке неровной пушистой щеткой – все в ней создавало впечатление, что зимой в Нью-Йорке она бывала не часто.

Она несколько раз негромко постучала висящим на двери молоточком и принялась ждать, иногда заглядывая в длинные узкие окна, обрамлявшие вход с двух сторон.

– Чем могу помочь, мисс? – Дверь открылась бесшумно, заставив девушку подпрыгнуть от неожиданности.

– Извините, мистер, моя машина сломалась, – она кивнула на старый понтиак, – а мобильник сдох. Я могу от вас позвонить в аварийку? – Девушка несмело улыбнулась, явно робея перед пожилым мужчиной с густыми волосами, отменно сдобренными проседью, и такими же усами.

Он несколько долгих секунд молчал, рассматривая молодую гостью, заметно вздрагивавшую, когда холодный ветер срывался с цепи. Одета не по погоде, с выразительным южным акцентом, овальное личико совершенно лишено следов косметики – не местная и, судя по внешнему виду, приехала не так давно.

– Проходите, – отступая ото входа, пригласил мужчина.

– Спасибо, – искренне поблагодарила девушка, – простите, что доставила проблем. – Она заметила, что на его руках остались следы голубой краски и на рубашке цвета хаки тоже.

– Ничего страшного, я в любом случае собирался сделать перерыв. Вы где-то недалеко живете?

– Не-а, – коротко бросила она, восхищенно скользя взглядом по изысканно обставленной гостиной, куда ее провел мужчина, – из Хьюстона, приехала к другу на каникулы и чуть подзадержалась, – улыбнувшись, закончила девушка.

– Из Хьюстона? – удивился мужчина. – Я тоже оттуда.

– Правда?! – в неприятии изумлении изогнула брови девушка – А где вы там жили?

– В Вудлендсе, у меня там дочь с семьей живет. А вы?

– В Даунтауне. – Она поискала взглядом телефон. – Я позвоню?

– Конечно-конечно, – засуетился он, подавая ей аппарат, и предложил: – Не хотите выпить кофе пока будете ждать эвакуатор?

– Здесь? – ахнула девушка. – Круто!

– Меня зовут Клайв Питерсон, – он протянул ей крепкую мозолистую руку.

– Мэй Донахью, – охотно откликнулась она.

– Я приготовлю кофе, а вы пока позвоните. Какой вы любите?

– С молоком, – широко улыбнулась Мэй, обнажая маленькие белоснежные зубы. – Спасибо, мистер Питерсон.

Клайв вышел, а Мэй, положив трубку на стол, подошла к стене, на которой висело несколько известных картин и фарфоровых дощечек. В нише стояли серебряные рамки с фотографиями. Она безошибочно выбрала необходимую и сунула в коричневый кожаный рюкзак.

Осмотревшись, Мэй достала крошечную видеокамеру и быстро пробежалась объективом по всему периметру комнаты, захватывая полотна и антикварные вазы. Так, на всякий случай.

Когда Клайв вернулся, неся в руках поднос, она только-только положила трубку на аппарат и извиняющимся тоном пробормотала:

– Клайв, мне надо идти. Мой парень как раз в этом районе, он жуткий придурок, а машина как бы его.

Она тяжело вздохнула, словно уже слышала, как взрывной дружок ее песочит.

– Спасибо вам еще раз. – Мэй неловко улыбнулась, застывшему в дверях мужчине, и прошла мимо.

Девушка быстро сбежала по ступенькам вниз, на ходу срывая жесткую резинку, взбивая пушистые каштановые волосы. Погода была сырой и ветряной, а в легкой курточке казалось, что у нее трясутся даже кости. Она быстро прыгнула за руль, кинула рюкзак назад и резко выдавила педаль газа.

–//-

В Верховном суде боро Манхэттен с самого утра шло предварительное слушание по делу о расторжении брака супругов Палмер. Ходатайство о начале процесса было принято судьей без проволочек, а вот определить и согласовать состав имущества, которое будет классифицироваться как «общее» оказалось в разы сложнее. Противоборствующие стороны не желали идти на компромисс, вызывая недовольные взгляды судьи Уолберга.

– Ваша честь, – неспешно поднялась Трейси, – мистер Палмер утверждает, что не понимает, о какой коллекции масок африканских богов идет речь. Но как это возможно? – Она выдержала короткую паузу, затем обеспокоенно посмотрела на судью. – Хотя, если мистер Палмер болен...

Трейси повернулась к столу и встретила с гневным взглядом Дональда.

– Ваша честь, – она приблизилась к трибуне, – на этой фотографии запечатлена коллекция моей клиентки, снимок сделан в их с супругом доме в Форест-Хилс.

Трейси резко повернулась и направилась к столу, где сидел Дональд с адвокатом. Брендон Стеклер был спокоен и с вежливым интересом следил за выступлением противной стороны.

– Это ведь ваш дом, мистер Палмер? – Трейси протянула ему снимок. Она смотрела остро, давая понять, что отпираться бесполезно: если понадобится она приведет сотню свидетелей, которые подтвердят, что это – особняк Палмеров.

– Да, – строго ответил он. – Но эту ерунду я давно продал.

Брендон бросил на него быстрый взгляд, мысленно веля не открывать рта без его разрешения. Но Трейси вцепилась в эту фразу, пролезла в крохотную щель, которую оставил ей Дональд, сам того не подозревая.

– Ваша честь, это вопиющее нарушение закона! – Ее голос звенел от праведного негодования. – Адвокат Стеклер должен был уведомить своего клиента, что никаких операций с имуществом, пока идет разбирательство, проводить нельзя.

– Мисс Полански права, – судья Уолберг поверх очков строго взглянул на Дональда Палмера. – Адвокаты, подойдите.

Брендон и Трейси приблизились к трибуне.

– Мистер Стеклер, если ваш клиент продал эти маски, то должен предоставить подтверждающий документ с вырученной суммой. Мисс Полански, – судья перевел взгляд на нее, – если докажете, что коллекция принадлежала вашей клиентке, получите деньги и выплату за моральный ущерб, который будет установлен судом. Вас устраивает такое решение?

– Более чем, – миролюбиво ответила Трейси. Это была маленькая, но все-таки победа!

Когда нюансы были оговорены, а дата следующей встречи определена, зал опустел, оставив адвокатов заканчивать и собирать бумаги.

– Незаконное проникновение в частные владения?.. – Брендон присел на край стола, совсем близко, почти касаясь узкой юбки стоящей рядом Трейси.

– Не понимаю, о чем ты, – она невинно похлопала ресницами, затем, пряча улыбку, опустила глаза, с нарочитой серьезностью рассматривая протокол слушания.

Брендон молча изучал ее, и его взгляд горел восхищением. И Трейси нравилось это! Ей было приятно, что она смогла удивить его, а еще то, что даже не глядя на него, она ощущала тяжесть его взгляда. Ту самую, которая заставляет сердце биться чаще, а кожу пылать.

Молчание затягивалось, окутывая густым, наполненным невидимыми искрами облаком их маленький мир, сужая его до мужчины и женщины. Трейси поспешно засобиравалась, пожалуй, слишком поспешно.

– До скорого, мистер Стеклер, – дружелюбно проворковала она и, подхватив дипломат, пошла к выходу. Еще мгновение и победительницей из этого зала она уже не выйдет.

Брендон следил за каждым ее шагом: наслаждался покачиванием бедер и стройными длинными ногами, пока Трейси не исчезла, аккуратно притворив за собой дверь, оставляя его наедине с мыслями. Его тянуло к ней, до сих пор тянуло, а ведь она не была блистательной красавицей, чья красота сводила с ума, не давая возможности думать о чем-то еще. Трейси была скорее привлекательной, но зато удивительно сексуальной. Ее не хотелось ставить на пьедестал, поклоняться ее потрясающей внешности и сдувать пылинки. Ее хотелось брать: быстро и часто, медленно и долго. Она была создана, чтобы дарить удовольствие в постели, без ханжества и глупого жеманства позволяла делать с собой всё, наслаждаясь каждым движением вместе с ним. Трейси возбуждала его, как сотни других женщин, – с этим проблем у него никогда не было, – но парадокс был в том, что после секса она стала возбуждать еще больше. Он не потерял интерес к очередной покоренной вершине. Брендон вообще не считал Трейси трофеем, тем более, завоеванным. Она нравилась ему, серьезно это или нет – пока не ясно, но зато чувство казалось по-настоящему искренним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.